

Борис ПРОТАЛИН

БАБУШКА

Повесть

1. ТАЙГА

Я – сибиряк. По рождению, по всей своей жизни в этих краях, да и по характеру. Он, говорят, наследуется. Отчасти. Но гораздо важнее окружение, под присмотром которого складывается и характер, и суть многих человеческих качеств. А каких качеств – это уж как кому повезет. Мне точно повезло. Привалила мне изначально удача – мое детство. Случилось оно особенным. Что бы я потом ни делал, стоило лишь коснуться его, вечнозеленого, и теплая волна уносила в те далекие времена...

Эти годы мои проходили ни в городе, ни в деревне, а в самой что ни на есть дикой природе. Где можно одичать. И не только мальцу, но и добру молодцу. Мне, однако, было суждено так. Вырос я среди людей сильных, большей частью образованных. Это были геологоразведчики. Люди, которые верили в пророчество великого помора Ломоносова: «Могущество российское прирастать будет Сибирью...» Что само собой никакое могущество не прирастет? они знали и определили себе долю – первопроходческую. Оно, могуще-

ство, этим и прирастало. Руками, ногами, умами, силой и, бывало, жизнями. Годами они отыскивали нефть; в жар и в стужу брели, колесили по тайге. И так уж вышло, привелось, досталось – разделить мне с ними таежную жизнь. В том и везение.

Так вот. За Уралом, где могущество стало прирастать особенно бурно с шестидесятых годов того, двадцатого века, все-таки и все еще не так уж редко встречаются тайга, лесное озеро, поляны – глаз не оторвать. Это, конечно, места – диво дивные. Только вот пути к этому диву становятся все длиннее...

Увы, увы, часто повторяется одна и та же история. Ходит по земле человек. Ищет в глубинах ее богатства. А найдет – аж прыгает от радости:

– Нашел! Нашел! Вот она! Оно...

И тут же зовет другого:

– Сюда! Скорей сюда! Давай!

Другой хватает всякое подручье, нудает железного конягу и... напролом, напропалую. По матушке, по природе!

– Здравствуй, мать! Дурак приехал...

Через время глядь: в том краю, где сокровища отыскивались, переменялось

все как в сказке. Тайга легла побитой ратью. В речушках-озерушках от нефти вода мертвая стоит. Факелы попутного газа Змеями Горынычами в небо дышат. Коптят его нещадно... А матушка-природа – куда деваться? – отступает. Прячется в незадетых уголках своих владений. Вот взять кедровник – сибирская вековая тайга. Кто побывал в ней хоть однажды, никогда не забудет. Хоть раз... Ну, а ежели ты вырос там?..

В солнечный день здесь стоит легкий полумрак и прохлады. Огромные кедры вверх обнялись как за плечи – друзья-гренадеры. Около них кто-то шевелится, прыгает, порхает, цокает, шуршит, посвистывает. Как музыка! Только слушай. И услышишь, как перешептываются хвоинки. Похвальба и беспечность пичужек насмешит. Издалека будто доносятся чьи-то вздохи. И ревматически поскрипывают старые кедры. Даже пронзительный, неприятный крик роньжи¹ не расстраивает общей ладности звуковой, а добавляет ту «соринку», которая нужна бывает.

Кроны кедров – все в шишках. И почему их так называют? Это же таежные сизые цветы. Они осенью приподнимут свои чешуйки – лепестки. А из-под каждого из них, как из маленькой норки, выглянут на свет один или два орешка. Всяк с пятнышком на макушке. Рассыпав орешки по земле, цветы – эти шишки, станут и легче, и пышней, и радостней... Правда, не многим из них доведется отворить свои кладовочки и раскрылатить чешуйки. Их срывают, не дожидаясь этого торжественного момента, когтистые лапки и крепкие клювы. Орехами питается круглый год многое множество всякой живности.

Люди тоже нетерпеливы и весьма охочи до орехов. Эти двуногие мастера тяжелый колот², устанавливают на землю и с размаху бьют по дереву. Набато разносятся по тайге удары колота. Ахает плодоносный кедр. Градом сыплются с него шишки. Замрут, притихнут пичужки да зверюшки. Умолкнут до времени лесные звуки...

Как ни в чем ни бывало тут и там молодцевато боченятся крепыши – красавцы грибы. Тяжелые гроздья ягод утомленно свисают с веточек. Разжиревшие рябчики до того наглотались крупной темно-бордовой брусники, что

уже не в силах взлететь. Они шныряют и прячутся среди кустиков того же брусничника. Кое-где, как бедные родственники, притулились небольшие листовенные деревца. А воздух... Ну, хоть пей его! Крепкий дух здрача смешался со всеми запахами разнотравья и грибов, и мха. Дышится легко, петь хочется... Именно в такой тайге еще в детстве я любил бывать со своей бабушкой...

Бабушка наша, Прасковья Сергеевна, родилась при царе, а жила при советской власти. Пережила, значит, все те революции, гражданскую и две мировые войны. А родом она из Центральной России, из маленькой деревеньки с названием – никогда не забыть – Прославуха. Ее отец с матерью, мои прадедушка и прабабушка, вырастили своих детей работящими. А было их ни много ни мало – семеро. Три дочери да четыре сына. Все ладные. Хозяйство с умом вели. Как все, жили, поживали, добра наживали. А когда нажили это самое добро, тут на него и охотники объявились. Бабушкину семью обозвали кулаками и скоренько избавили от заботушки об имуществе, о земле, о скотинке...

Все забрали, как говаривала не однажды бабушка, и «пригласили» на жительство в благодатные нарымско-колымские края. Братьев бабушки загнали туда, куда Макар телят не гонял. Двоих – в Нарым, двоих – на Колыму. А все остальное семейство определили на поселение в Алтайский край и вот сюда – в Новосибирскую область. Не видать бы ей, бабушке-то, Сибири-матушки, кабы не радение власти советской о своем народишке.

У бабушки в «шкапчике» лежала старая, наклеенная на бумажку фотография, сделанная в Москве шестого сентября 1939 года. На ней мой дед, Петр Андреевич, с делегатами-стахановцами перед главным павильоном ВДНХ – сельхозвыставка так называлась. В то время жили они с бабушкой в Сузунском районе, в селе Болтово. Дед мой лет на пяток постарше бабушки. Тоже из сосланных. Встретились они там, в Болтово, полюбили друг друга – вот и пара. Свадьбу справили, стали колхозниками. А закваска-то кулацкая, значит, хозяйская. В руках любое дело спорится. Как-то соседка, баба Хоря (Хоритонья Аристарховна) вбегает в избу:

– Прасковьюшка! Я шас иду мимо конторы, а на доске почета, на колхозной – фотокарточка!

¹ Роньжа – лесная птица, кедровка.

² Колот – чурка на шесте для сбивания шишек.

– Чья фотокарточка?

– Да Петруши твоего! Значит, больше его фотография и написано... щас скажу: «Пердодик сельского хозяйства. Стахановец...»

В Отечественную бабушка проводила своего стахановца на войну. Наказывала домой воротиться. А он взял да и не вернулся. Погиб в первый год под Москвой. Вот тут она и хлебнула. Солдатка, без мужа, защитить некому. А народ всякий бывает... Примечать стала – сено со двора кто-то ворует. Решила выследить и укараулила. Сосед, дед Архип набрал охапку сена и потащил. Она тихонько за ним. Зашла сбоку и за бороду – хватать. А он рук не разжимает, сено тащит. Она ему:

– Ты че же, дед, ворует?

– Да бес попутал, Прасковьюшка.

– Да ты сам, похоже, и есть бес. Неси теперь сено обратно. Да по самой улице неси. Пусть люди увидят беса-то.

Так и вела его за бороду до своего двора...

Одна поднимала двоих ребятишек. Тянула свое хозяйство (коровенка, куры, несколько овец), а надо еще трудодни зарабатывать. Платила налог государству – шерстью, яйцами, молоком. Замуж больше не пошла. Был на селе кудрявый, плечистый вдовец, мельник. Говорил соседям:

– По сердцу мне Прасковья Демьяненко. Да не знаю, с какого боку к ней подступиться. Уж больно дикая...

Так никому и не далась. Ни в дом, ни в огород. А когда дети повзростали да разлетелись, былая пригожесть увяла. Видать, трудные годы крепко нахлестали по ребрам.

Сын отслужил военную службу в Порт-Артуре. Стал механиком. Малость поработал в колхозе, да и махнул в Якутию. Писал – зашибает большую деньги.

Дочку подхватил уволенный в запас красавец-танкист в жены и – к себе на родину, в Томскую область. Там родилось трое детей. Да только не успел их вырастить танкист. Завял прямо на глазах. И умер от контузии, полученной на фронте.

Присолила вдова свою горечь, давай расхлебывать. А тут возьми и подкатись разудалая головушка. Веселый, бесшабашный парень сграбастал в беремья Прасковьюну дочь с тремя ребятишками (одним из которых как раз и был я) и увез еще дальше на Север.

Начинать, мол, новую жизнь. Подались они в тайгу с людьми учеными. Сказывали – земляное масло³ промышлять. Растревожилась Прасковья о своей дочери, да и о внуках, которых еще в глаза-то не видала. Но никак не думала, не гадала, что и сама она отправится вслед за ними в эту неизвестную тайгу. Не думала, не гадала, что будет захвачена Севером, и не станет для нее земли милей, чем та, далекая в полномочном краю...

У бабушки насмешливые глаза, и лицо очень располагает к ней. Приятная, как говорят, внешность. Лоб у нее умный. Крупное лицо и все время живет. А говорит-то, говорит, ну, словесница. Уж прибауток у ней, хоть записывай. И подшутить может – никто не обижался. Бывало, стоит, разговаривает с мамой. Мы, ребяшня, рядышком. Она руки вверх подымет, сладко потянется, повернется и – ух! – как бы сбрасывает что-то невидимое на меня или на Вовку:

– Лень мою на тебя!

Мы уворачиваемся, отбегаем в сторону, подальше, чтобы бабушкина лень к нам не привязалась. Она смеется...

Остановилась, к примеру, наша экспедиция в селе. Мы, как всегда, на временной квартире. И вот мама с бабушкой затеяли в доме уборку: чистят, драят, моют полы. Чтобы не мешать взрослым, я забрался с книжкой на кровать, разглядываю картинки. Бабушка говорит маме:

– Лена! Вон там в ведре чистые памылоки стоят. Замочи-ка в них грязные носки.

Слышу незнакомое слово, сразу спрашиваю:

– Бабушка! А че такое памылоки?

– Ты че, не знаешь? Да это вода мыльная после стирки. Ей можно ишшо хоть пол помыть...

Так слово за словом я знакомился с бабушкиным русским языком. И до сих пор не перестаю удивляться, как много знала моя бабушка. И как ловко умела говорить сама. А до чего была горда прилеплять прозвища!

Помню, в Новооганске, в Тюменской области, жили не тужили «Степшины». Многие думали – это их фамилия. На самом деле они были Грачевы. Мужа звали Иван Степанович, а жену – Анна

³Земляное масло – нефть.

Степановна. Бабушка увязала их отчества в один узелок и получилось – Степшины.

Ватные брюки называла Шептунами: сядешь на стул, и они сдуваются с легким призвуком, будто рядом кто-то шушукается.

В Александровском, Томской области, сразу за мостком через речку Сайму стоял магазинчик. Дорога возле него поворачивала и зимой была раскатана конными санями. Так она, бабушка, будто вывеску на него приклепнула: «Раскат». И кто пойдет в него, если спросят: «Куда идешь?» – «В Раскат».

Высокую, худющую бабу одну прозвала Лыжиной. А молодого парня в Новооганске нарекла совсем чудным именем – Маргарин. В то время я был студентом, приехал к родным на каникулы и подзаработать надо было. Конечно, меня заинтересовало словцо такое:

– Бабуля! Что это за прозвище – Маргарин?

– А-а! – Махнула она рукой. – Ни вредный, ни полезный...

Позже я испытал на своей шкуре: ни вредный, ни полезный бывает хуже иного вредного. От того хотя бы знаешь, чего ожидать. Вышло так, что через несколько дней после этого разговора я устроился в нефтеразведочную экспедицию вышкомонтажником. Оказался в одной бригаде с Маргарином. И тут в полной мере оценил точность моей бабули. Вот ведь, с Мишкой – Маргарином, ей работать бок о бок не приходилось. А поди ж ты: он и впрямь был недотепой. И пользу приносил без расчета, и вредил без умысла.

Мишке-Маргарину на вид было лет двадцать пять. В первый раз я увидел его в доме своих «стариков». В день моего прилета в Новооганск. Мать с отцом были на работе, и он обосновался в гостях у бабушки. Пришел поправить здоровье. То есть, опохмелиться. Бабушка из сочувствия налила ему водки, поставила закуску, и Маргарин сидел за столом вполне счастливый. Круглолицый такой. А глаза юркие. Подбодрился. Шутил, благодарил бабушку за «лечение».

Потом я узнал его поближе. Какая-то двойственность все время. Поболтать или выпить – Маргарин шустряк и заводила. Пришли на работу – Маргарина видом не видать, слухом не слышать. Чихнет, бывало, ему говорят:

– Будь здоров!

Он отвечает:

– Сам будь здоров! А я лучше на больничном посижу.

Только кудреватые на слова бригадирские напутствия заставляли его пошевелиться.

На машине – «вахтовке» – привезли нас к месту, к работе. Немного про нее надо сказать, про работу. Подготовили мы площадку и начали привычное для ребят дело – монтировать буровую вышку в тайге. Мне поначалу было забавно слышать, что опоры вышки – это «ноги», что составная часть «ноги» вставляется в «стакан», что деревянная опояска буровой вышки – это «плати». И все же в короткий срок мы сработались, и я освоился в бригаде. «Ноги» и «стаканы», инструменты, кувалды, ломы – все сделалось своим, обиходным.

Как самого цепкого меня бригадир загонял наверх – работать на высоте. А мне того и надо: поиграть мускулатурой, лишний раз почувствовать свою силу. Только я сразу объявил:

– Монтажный пояс не надену!

– Якорь-макарь! Это почему? – Вскинулся наш бригадир Володя Рыбалов. – Ты навернешься с вышки, а мне – тюрьма! Узнают – был без пояса – посадят.

– Не посадят. – Упорствовал я. – Во-первых, не навернусь. А во-вторых, ну, мало ли что... Вот тогда надевай на меня. Скажешь: «С поясом был...»

Ничто! Силенок и ловкости хватало. И до того часа, как Маргарин мне так неудачно пригнулся, я легко справлялся и с «ногами», и со «стаканами», и с разными крепежными узлами. На первом этапе все было отработано. По моей команде (прошу это заметить!) ребята снизу подают мне трубу, верхний конец которой направляется тросиком. В левой руке у меня приготовлена гайка, в правой – болт и гаечный ключ. Я подхватываю верхний конец трубы, нацеливаю в «стакан». Затем совмещаю отверстия, вставляю болт, наворачиваю гайку и накрепко затягиваю гаечным ключом. Все дела. А тут...

Маргарин с ребятами стоит внизу наизготовке. Я болтаюсь на подвешенной к перекладине металлической лестнице: ноги затекли, держась за «стакан» пытаюсь переменить положение тела. И вдруг снизу голос Маргарина:

– Раз, два, взяли!

Сказано – сделано. Четыре парня двумя ломками, крест-накрест просунутыми в отверстия для болтов, двинули

вверх стопятидесятикилограммовую дуру, и она припечатала мои пальцы к «стакану». Только после того, как они выдохлись упираться и отпустили трубу, я смог освободить свою руку. О том, что произошло наверху, никто и не догадывался. Я молчал, как партизан, которого пытаются супостаты. Со второй попытки направил «ногу» в «стакан», одной рукой закрепил как следует. А когда спустился на грешную землю, в левой рукавице уже хлюпала кровь. Перед глазами еще долго стояло белое, как снег, перепуганное лицо бригадира...

Каким-то чудом «нога» не раздробила вконец мои пальцы. Кости остались целыми. Три дня погулял с забинтованной пятерней и снова полез на вышку. Спустя время знакомые в поселке спрашивали:

– Эй, студент! Че у тебя с рукой?

На что я отвечал с небрежностью:

– Да так... Буровая вышка лягнула...

В другой раз из-за своей раззявости Маргарин упустил трос. Вернее, конец троса, который петлей цеплялся за крюк, прибитый к деревянному настилу под вышкой. Правило было железное: после использования троса (им с помощью трактора подтягивали к вышке железяки, трубы, другие тяжести) конец аккуратно цеплять за крюк.

– Упустите трос, и тем, кто работает на вышке, – хана! – Предупреждал бригадир.

Мишка махнул, не глядя, и петля прошла мимо крюка. Трос ушел вверх до самой кран-балки (вышка уже стояла на все сорок семь метров), там освободился от блока и, тяжело падая вниз и мотая концом во все стороны, чуть не смахнул меня с тридцатиметровой высоты.

Ох, не зря бригадир боялся тюрьмы! Правда, она ему светила в том случае, если бы я там, наверху сидел на привязи. Но... как нарушитель правил техники безопасности я, как уже говорил, монтажного пояса не надевал.

– И слава Богу! – Перекрестился впоследствии безбожник и матерщинник Володя Рыбалов.

Когда время пошло на секунды, это нарушение обеспечило мою безопасность...

Свесив ноги, я привычно сидел на перекладине и пыхтел над узлом крепления, орудуя гаечными ключами. И вдруг услышал внизу странные звуки. Глянул – на земле люди маленькие, как

букашки бегают, пищат чего-то, ручками машут... Мимо меня уносится вверх конец троса... Елки с палками! Это же меня предупреждают!!! Я сунул ключи за голенище, поднялся на ноги, балансируя руками, прошел по диагональной перекладине до опоры вышки и спрятался за «ногу». Толстенный трос в три пальца толщиной, высекая икры, гулко хлестанул по трубе, с которой я только что уже успел убраться. С верхотуры на землю спускался слегка заторможенный, еще не осознавая последствий, которых избежал. И лишь когда вся бригада бросилась ко мне, сообразил, что здесь, внизу, за меня переживали больше, чем я в то время наверху.

А наш Мишка-Маргарин через неделю после этого случая погиб. Погиб бестолково и нелепо. В день своего рождения. В этот день Рыбалов дал ему выходной, разрешил не выходить на работу. После завтрака в нашей большой двадцатиместной палатке мы всей бригадой поздравили Мишку с днем рождения. Пообещали вечером у костра отметить это событие как положено. Однако все вышло не так. Мы отправились на работу, а Мишка остался отдыхать. Он валялся под пологом на своей раскладушке. Не утерпел, достал из рюкзака водку. Выпил. И зачем-то полез купаться. Вода спокойно и безмятежно плюмкала у берега недалеко от палатки. Но эта безмятежность оказалась обманчивой. Мишка река не отпустила. Не найдя его в лагере, мы излазили лес на многие километры в округе. Неводом процеживали речную воду. Вызывали по радиации вертолет. Все впустую. На третий день тело Мишки всплыло на поверхность. Совсем недалеко от берега, возле коряги. Это было в сорока километрах от Новооганска, неподалеку от мансийского селения Варьеган. Там, где протекает речка Ампута...

Как бы то ни было, из-за Мишки-Маргарина я сильно заскочил вперед. И Александровское, и Новооганск, и поднятая буровая вышка – все это будет после... еще не скоро... Из тайги моего детства до них и мне, и моей бабушке, и всей нашей семье предстоит проехать, пройти, прошагать столько километров разных дорог, что собьешься со счета. Как до Китая босиком.

2. Балок

На Севере балком называют маленький деревянный домик – временку, в которой, бывает, живут всю жизнь. Или вагончик. Вроде тех, что раскиданы в городах по строительным площадкам. У нас – это крепко сбитый из бруса домишко на санях. Его в любое время может подцеплять трактор и перетаскивать куда угодно. Деревянные полозья саней обиты железом, и значит, балку доступна любая дорога. Хоть зимой, хоть летом.

Внутри у него две каморки, каждая с перегородкой, как в поезде купе: такой же узкий проход и по бокам полки в два этажа. Справа у выхода – прочная железная печка с трубой наружу. Зимой при переездах балок плавно покачивается, там у него что-то позвякивает, постукивает, а из трубы веселится дымок. И черт ему не брат в сибирских лесах!

Так же, как из купе, вы можете смотреть в заиндевелое окно, за которым проплывают таежные картины. На деревьях птицы: глухари, косачи⁴, куропатки. Улепетывают по извилистым тропам шустрые зайцы. Большерогие лоси легко и плавно шествуют над белым пологим бугром. Сосны, кедры, ели... с комьями снега иногда напоминают невиданных чудищ.

Но если в вагоне поезда вы только пассажир и купе для вас приют временный, то балок обживается надолго. Вот и для нашего семейства в пять человек балок был единственным постоянным жилищем в течение шести лет наших скитаний. До сих пор не пойму, откуда взялось у матери и отца столько силы, решимости, чтобы с тремя детьми (мне, младшему, было четыре года) отправиться в глухую тайгу за тысячи километров от родных лопухов и делать то, чего раньше никогда не делали.

А геологоразведочные экспедиции ставили буровые вышки, бурили скважины. Перетаскивали их, эти вышки, со всем оборудованием, техникой через тайгу, болота и топи и двигались, двигались дальше и дальше...

По таким труднодоступным дебрям Томщины и Тюменщины скиталась с нами и наша бабушка. Правда, в балке она мыкалась не долго, поскольку в первые годы этих странствий гостила у нас лишь наездами. Скажем, выберет-

ся экспедиция из урмана⁵, остановится на месяц-другой в каком-нибудь селышке, глядишь, и бабушка – вот она. Причем обычно она к нам не приезжала, не прилетала, а приплывала. Добиралась на пароходах, катерах, моторных лодках и даже на хантыйских обласках⁶, которые могут пройти и по быстрине, и по мелководью.

В те годы никакого другого сообщения с Большой Землей у сибирской глубинки не было. О воздушном – слыхом не слыхивали. О железной дороге и не мечтали. А грунтовая, насыпная, сколько ее ни насыпай, утонет в первом болоте. Так что остается вода: реки, речки и речушки. К ним, как правило, и прижимаются редкие селения на этих обширных просторах.

Поживет бабушка с нами в балке, почует, каково тайгу бороздить, а как дойдет экспедиция до другой судходной речушки – садится на катер и отчаливает домой. К оставленному на добрых людей хозяйству. Вот таким макаром «по питью» курсировала наша бабушка. А потом учудачила: продала свой дом, остатки хозяйства и пустилась во все тяжкие. Яблоня да за яблонками...

К дальним переездам всякий раз готовились основательно. У взрослых заботы: техника, снаряжение, провиант. Глядя на них мы, ребята, готовились в путь-дорогу самостоятельно, по-своему. Сестра Валя бегала к подружкам, искала кусочки цветной материи, чтобы пошить своим куклам платья. Мы с Вовкой носимся с лопатами и жестяными банками – кто больше накопает червей на рыбалку. Потом добываем крючки, леску для удочек. Шушукаемся и спорим, как заговорщики, пряча в укромном уголке балка свой неприкосновенный запас: «сэкономленные» кубики прессованного какао с сахаром, горстку конфет, банку сгущенки. А самое главное, нас томило и жгло любопытство: а что там да за – там? Какие новые, неизведанные края ждут нас впереди?..

Если не было возможности пробиться через тайгу и болота, технику по таежным речушкам перевозили на баржах, людей – на «самоходках» и брандвахта⁷. Бабушка потом не однажды вспоминала свое первое путешествие на брандвахте.

⁴ Косач – крупная лесная птица. Тетерев.

⁵ Урман – густой заболоченный лес.

⁶ Обласок – легкая долбленая лодка.

⁷ Брандвахта – несамоходное судно-жилье.

В то время мы плыли по таежной речушке с мягким названием Вах. Вода в ней от торфяных берегов темная и напоминает хорошо заваренный чай. А когда наша посудина медленно вывернула к месту слияния Ваха с Обью, мы увидели, как сошлись две струи – темная и светлая. Сошлись, но не слились, не смешались. Вначале они текут рядом. И даже видна пограничная линия, нарушить которую ни одна из двух как бы не решается. Потом из одной струи в другую начинают робко протягиваться разновеликие водяные полщупальца. Они увеличиваются, проникают в друг дружку все смелее, решительнее и, наконец, взвихрившись, струи смешиваются. С этого момента Ваха не стало. Он растворился в многоводной Оби.

Между тем извилистые речушки и просторная матушка Обь неторопливо открывали разведчикам недр чудеса и красоты края. Словно природа хотела сказать: «Смотрите. Все ваше. Владейте, да меру знайте. Не то себя погубите...» Но люди были не готовы постичь этот смысл. Они шутили, смеялись. Мужчины пристреливали ружья, мелкокалиберные винтовки – «мелкашки», на спор попадали в проплывающие мимо обрубки палок и коряжки. Самые меткие стреляли в уток, норовя «уронить» их поблизости от брандвахты. После хорошего выстрела парни проворно отвязывали лодку и выхватывали дичь из воды. А то утки падали прямо на палубу или на крышу брандвахты. Мы, малышня, визжим от восторга, вперегонки бежим за птицами и относим их на кухню.

Кочевая жизнь пришлось нашей бабушке по душе. Во многих самых разных делах бабушка оказалась незаменимой. И возможно, от этого даже помолодела. Она умела вылечить хворь, поднять настрой. Быстро, вкусно готовила. Была и советником по жизни. И называли ее Сергевной, почитая вроде ангела-хранителя при экспедиции...

Шло время. Наша сестра Валюшка с осени до весны стала жить с бабушкой. В селениях на пути экспедиции, где стояла школа. Мы с Вовкой, тоже из-за учебы, вот уже вторую зиму жили не с отцом и с матерью и не в балке, который, конечно же, не перестал от этого казаться самым уютным, самым теплым, самым пригодным для жизни местечком. Эту вторую зиму обитали в обыкновенном деревянном доме вме-

сте с Валею под неусыпным надзором бабушки. Конечно, такая жизнь – это совсем не то, о чем, например, мы с Вовкой мечтали. То ли дело – прошлая зима! Первокласное начало школьных приключений. Но это отдельная история, и о ней чуть позже.

Я только хорошо помню, что тысяча девятьсот пятьдесят восьмой год мы встречали в балке. Прямо на опушке леса. Вся наша малолетняя троица, как я уже сказал, училась в одной школе и зимовала в деревне. Неподалеку от стоянки экспедиции. Мы с Вовкой оба ходили во второй класс (Вовка год пропустил), а Валя – в четвертый. С бабушкой нам, понятное дело, жилось неплохо. Однако полного счастья все-таки не было. Странная штука: мы чувствовали всегдашний контроль бабушки даже в то время, когда хорошо знали, что она ушла из дома и вернется не сей же час. А потому можно... Много чего можно бы напридумывать и повытворять при полной-то свободе. Ан, нет – от нее ничего не скрыть. Она будто все видела, хоть с другого конца деревни. Ну, может ли такая «воля» шибко-то радовать? Вольготная интернатская жизнь казалась нам полным, но увы, уже отчалившим счастьем...

Когда в прошлом году осенью нам с Вовкой приспело идти в первый класс, экспедиция забралась в такую тюменскую глухомань, что на многие километры вокруг не оказалось ни деревни, ни села хоть с малюсенькой школой. Ближе всех стояло село Больше-Тархово, где был хантыйский интернат. Школа-интернат детей народов Севера – так он правильно назывался. Вот туда нас приняли на учебу после долгих переговоров, материнских слез и предварительной оплаты за наше проживание. Дети народов Севера жили там на полном государственном обеспечении, но почему-то время от времени убегали домой в родные стойбища.

Хантят-первоклашек в интернате оказалось семеро. Жили они отдельно от старших и от девчонок. Все черноволосые. У всех узенькие глаза и забавно приплюснутые носы. Бабушка о таких говорила: «Глаз узкий, нос плюский, сам – нерусский». Маленькие ростом, на вид щупловатые. Но цепкие, ловкие и драчливые. В первый же вечер они устроили нам темную.

Я и Вовка сидели на кровати с книжкой. Мы уже умели читать по складам и теперь спорили: какой знак препина-

ния стоит в конце прочитанного предложения.

– Восклицательный знак! – вбивал мне в голову Вовка, звучно щелкая по лбу.

– Попросительный знак! – отвечал я, возвращая ему щелчок.

Посреди этой мирной беседы в комнате кто-то выключил свет, и в темноте нас от мозга до пяток пронзил и пригвоздил к месту крик. Он сильно походил на свист, но – нет. Это был боевой клич. Сперва темнота ослепила. Но за окном сияла луна. Можно различить очертанья фигур и предметов. И все-таки мы не узрели, а скорее почуяли чье-то движение. И уж потом разглядели, что низкорослые хантыята с подушками в руках, пригибаясь, молча обступают нас со всех сторон. На мгновение почудилось: ночь... незнакомый лес... и нас с Вовкой берет в кольцо стая хищников. По спине рассыпались мурашки. На сердце сделалось жутковато и сладковато. Такие ощущения потом бывали не раз. Но именно в ту минуту они зарождались впервые. Предчувствие боя...

Мы с братом прыгнули на кровать, сцапали подушки. В тот же миг стая бросилась на нас и завязалась пухово-подушечная потасовка. Кто-то из хантыята повизгивал, кто-то урчал от возбуждения, кто-то падал от удара и, сопя, поднимался снова. В воздухе мелькали подушки, летали пух и перья, но они продолжали лупцевать нас, а мы – их. Нашим неприятелям не хватало простора. Они сцеплялись подушками, сбивались в кучи, в общем, здорово мешали друг другу. А мы с Вовкой ловили момент и лупасили сверху по этим кучам.

Вдруг, как по команде, эта щенячья возня прекратилась. Мы с братом еще разгоняли по комнате пух, а хантыята неожиданно и дружно отступили.

Утром перед завтраком их интерес возобновился. На Вовку и на меня внимательно смотрели семь пар раскосеньких изучающих глаз. Эти глаза, конечно же, отметили, что мы почти на полголовы повыше и явно покрепче хантыята. Молча поели, вышли на крыльцо. Вовка погладил свой живот и недовольно сказал:

– Appetit у меня попортился...

После этого мы с хантыятами сдружились и больше уже не дрались. Вместе играли в разведчиков, строили снежные крепости, рыли «подземные ходы»

– норы в глубоком снегу, соединяющие эти крепости. А то делились на две команды, «занимали сопки», сбрасывая с горок «противника». Мы сражались кривыми деревянными саблями, стреляли из рогатов и луков, бросали в цель ножички. Само собой, много боролись да проказничали. И нам за это ничего не было. Потому что демобилизованный из армии солдат – воспитатель – сумел нас взять в руки. Да как, главное! Он придумывал игры и сам с удовольствием в них участвовал.

Учеба почему-то не запомнилась. Пожалуй, лучшие часы все-таки были вне школы. Из школьной жизни я помню поговорку строгой учительницы: «На сердитых воду возят, на горячих щи варят». Да ее странные словечки: «Тутака, тамака, гдетака, здесяка»... А если кто-нибудь из учеников вместо «что» говорил «кого», она неизменно отвечала: «Корову!»

Весной, когда снег уже изрядно подтаял, за нами на коне, запряженном в сани, приехала бабушка. Она собрала наши пожитки, усадила на мягкое, ароматное сено и решительно заявила:

– Больше никаких интернатов!

И мы отправились догонять экспедицию...

Итак, интернатская жизнь осталась в прошлом. А взрослым стало хорошо: ребятки учатся, живут поблизости, под присмотром. «Кого еще надо?» Ну, и ладно. У нас, у детей, тоже все «законно»: впереди Новый год и каникулы. А Новый год хоть на несколько дней соберет вместе всю нашу семью. Да еще где? В балке! В сказочно красивом лесу.

Между прочим, ради праздника лес и впрямь принарядился. Сосны, кедры, ели опушились инеем и, заломив набок белые шапки, держат на растопыренных лапах свои новогодние подарки – охапки искристо-белого снега. Казалось, что деревья распирает от удовольствия, и счастливые, они стоеросово улыбаются. Однако любоваться причудами зимнего леса кроме нас было некому. Доблестные разведчики недр почти в полном составе укатили в деревню на Новый год. И только наши отец и мать остались в лесу сторожить добро экспедиции. Должно быть, от лесовиков – от леших.

И была долгожданная семейная встреча, и подарки от «зайчика», которые отец всегда привозил нам из леса, и сласти. Сбылось все новогоднее.

Пока мама кухарничала у печки,

бабушка пила чай и рисовала маме и отцу деревенскую жизнь. Рассказывала про нашу учебу в школе и про то, какие мы озорники и неслухи. Не умолчала и о том, как однажды на уроке пыльный учитель «запустил торпеду». Этой «торпедой» оказался наш Вовка.

Злосчастная для Вовки история началась с того, что известная в классе ябеда, толстушка Людка Корзунова, среди урока повернулась и состроила ему рожу. Вовка, недолго думая, скатал бумажный шарик и из надетой на два пальца резинки, как из рогатки, звучно вlepил этот шарик ей в щеку. «Корзинка» схватилась за щеку, распахнула рот чемоданом и включила такой ревун, что ученики зажали свои уши. Учитель поморщился.

В тот день, когда он только вошел в класс, мы сразу поняли, что сегодня он опять... начнет жаловаться на то, что его не понимают, не ценят. И вообще, он мог бы работать в самой Москве. А его загнали сюда, в этот медвежий угол, где приличному человеку и поговорить-то не с кем. Похоже, в тот день наставник опохмелился, но ему все же было дурновато. Голова разламывалась. А тут еще Вовка...

Учитель еще раз поморщился. Поманил Вовку пальцем. А когда мученик-ученик приблизился, взял за шиворот и с силой послал в сторону двери, чтобы разом решить все проблемы: «торпеда» вылетит из класса, корзинкин «чемодан» захлопнется, а его головная боль утихнет. Но не тут-то было. Наклонив туловище вперед и размахивая руками, Вовка пролетел несколько метров, но как-то ноги его обогнали туловище и перед самой дверью он затормозил. Сунул руки в карманы, повернулся к одноклассникам и объявил:

– Недолет!

Однокорытники радостно загоготали, а лицо учителя сделалось пунцовым. Он подошел к Вовке, снова взял за шкуру, подвел к самой двери и неразумным Вовкиным лбом распахнул ее настежь. Брат мой кубарем выкатился в коридор, где его и догнал наш хохот. Даже Корзинка со слезами на глазах закатывалась от смеха.

Тем временем на лбу «посланца» вздулась здоровенная шишка, и она требовала мщениия. До конца урока Вовка назло учителю кукарекал у двери своего класса. Пожилая немка, уборщица тетя Катя, бегала за ним по

коридору со шваброй наперевес и кричала:

– Шулик! Пандит, понимаешь! Ты чего не учаешь?

Вовка прятался где-нибудь за шкафом, тетя Катя пронеслась мимо, а он снова устремлялся к своему классу, чтобы кукарекнуть еще хоть разок.

Бабушка уж не забыла доложить отцу с матерью и о моих достижениях. Например, о том, как я прыгал с крыши сарая в сугроб с кувырком в воздухе и едва не наткнулся на деревянный колышек под снегом.

– Куфайку порвал. Бок чуток не пропорол, – ябедничала бабушка.

– Вы гляньте, че у него на боку!

– Ну-ка покажи! – Приказала мать.

Я задрал рубаху, показал ссадину. А пока снова заправлял ее в штаны, взрослые успели высказаться о том, как опасно прыгать в сугроб, когда не знаешь, что там, под снегом.

– Тебе это могло выйти боком. – Подытожил отец.

– В другой раз умней будешь.

– Вообще-то Борька у нас смиренный. – Вдруг похвалила меня бабушка и, будто че-то вспомнила, добавила: – Только с Вовкой их мир никак не берет.

Это правда. Нас с Вовкой действительно мир не брал. Он частенько бывал зачинщиком, забиякой. Я давал сдачи. Дело доходило до рукопашной, за что от бабушки нам доставалось по ровну. Ремня, конечно.

– ...А вот Валька – молодец. Помощница. – Не унималась бабушка.

Слушая роспись наших провинностей и заслуг, мать хлопочет у раскаленной докрасна железной печки. Жарит, парит, поругивает «для блезиру⁸» своих неслухов. Лицо ее при этом светится благодушием. Отец сидит за столом, осмысливает сообщения и время от времени опрокидывает рюмашку.

А старая продолжает:

– Бабы давно говорили, да я все не верила. А тут Марья Корзунова то ж сказала. Ей летом-то медведь в провожаемые навязался.

– Как это? – Посмотрела на нее мать. – Она тебе наплела, поди.

– А вот и не наплела! Аниска Перялова божится: своими глазами видела.

...Ну, дак вот. Марья-то, значит, в лес по ягоды ходила. Идет себе домой с кузовком своим берестяным. Песенки поет. Слышит: будто подпевает кто. Оглянулась и обмерла: медведь идет.

⁸ Для блезиру – для видимости.

гудет следом. Она кузовок с плеч и приударила вдоль речки. Он за ней! Ну, бежала, бежала Марья сколь могла – запыхалась.

– Моченьки, – говорит, – не стало. Стою, хватаю воздух, как щука на мели. У самой думка: «От этого лешего не убежишь...»

Медведь, сказывает, тоже остановился. Смотрит на нее. Сопит. Вот стояла, стояла бабенка. Перевела дух. Опять драпанула. И он подхватился.

– Опять, – говорит, – задыхаюсь, а бегу. Ноженьки подкосились. Села я на тропку. Думаю: «Будь, че будет!»

А криволапый не подходит. Тоже сел поблизости. В другой раз глядят друг на друга. Верить ли: разов пять она бежать принималась. Он – в десяти шагах и все за ней повторяет. Не медведь, а чисто обезьяна! Так ведь и «проводил» до деревни, не тронул. Видать, поглянулась ему Марья. А уж у деревни, говорит, запыхал⁹, запыхал да назад поворотил...

– О-о-и-и-о-ой! – Распевно удивляется мать, забыла перевернуть на сковороде мясо. – У меня руки-ноги сразу оторвались бы.

– Ниче! – Махнув рукой, хохотнул отец. – Тебя бы, Лена, медведь вообще хрен догнал. Отстал бы, сдох.

Он выпил рюмку водки и обвел нас дальнего ума взглядом:

– Вот я прошлым летом Мишу повстречал... Так он сам от меня бежал без оглядки.

– Ой, балтуннице! Ой, врунице! – Улыбается мать, предвкушая выдумку. А бабушка не без ехидства спросила:

– Сашк! Дак может, расскажешь нам, как ты медведя-то перепужал?

– Очень просто! На буровой дело было.... Хожу я по лесу, грибы собираю. Гляжу – медведь на меня прет! На задние лапы встал, передние растопырил и обниматься лезет. Я – за сосну. Он – ко мне. Я влево – он влево, я вправо – он вправо. В догоняшки со мной играет, вот-вот сцапает. Тогда я сам схватил его за лапы. А сосна между нами осталась. Обозлился, дернул его на себя. Он – бац! Мордой об сосну! Еще раз дернул – опять мордой об сосну! Заревел Михайло благим матом. Вырвался – и бежать! Я кричу:

– Миша! Подожди! Еще поиграем...

А он бежит и только лапой отмахивается:

– Да пошел ты!..

Мы все закатываемся от смеха. И лишь отец хитровато-азартно поглядывает на нас, глубоко затягивается папиросой. Будто на самом деле пережил эту встречу с медведем.

– Ох, Сашка! Согресишь с тобой! Ей-Богу! – Покачивает головой бабушка.

– Ты че, мать? Не веришь, поди?

– Верю всякому зверю. А тебе – больше всех. – Отвечает она, не имея сил согнать с лица улыбку.

Отец изобразил на лице обиду и «с горя» выкушал еще рюмку водки. Мать неодобрительно посмотрела на рюмку и придвинула еду.

– Ты закусил бы, отец. Вот пельмешки горячие, с грибочками-то хорошо.

Но отец уже закусил... удил. Он сжевал пару пельменей и с веселой злостью начал приставать к теще:

– Значит, родному зятю ты не веришь? Ладно. Так и запишем. Ну, че? Тогда еще.

– Давай, отец, соври еще че-нибудь. – Поддерживает его мать.

– Да че врать-то? Вот у меня на той неделе был случай. Ей-Богу, вправду было! Ну вот, иду я по лесу на подволоках¹⁰. Смотрю: шагах в десяти – глухарь. Сидит на ветке, за мной наблюдает. Я – стоп!

Замер. А ружье-то на плече. Думаю: «Ведь улетит, мерзавец. Пока ружье снимаю – точно улетит...» И глухарь на дурак. Тоже, видать, кумекает. Голову наклонил туда, сюда. Пригляделся я, а он подмигивает мне, издевается...

Отец приподнялся из-за стола, показал, как он замер на месте, как увидел птицу. И его рука медленно потянулась к ружью. Он подмигивал нам своим черным глазом, но мы видели издевательски-насмешливый глаз глухаря и даже вокруг него – яркий, красный ободок...

– И до такой степени этот глухарь онаглел – крыло вытянул и помахивает. Мол, иди, иди отсюда. Ах ты сволочь!.. Я за ружье – хват! Он за дровья – нырь. И полетел. Только шум стоит. Вот хитрый глухарь попался! Всем глухарям глухарь.

Мы снова смеемся над выдумкой, подмигиваем друг другу. А отец вновь прилепился к бабушке:

¹⁰ Подволоки – широкие охотничьи лыжи, подбитые на скользящей поверхности шкурой животного.

⁹ Запышал – запыхтел.

– Че скажешь, мать? Опять не ве-
ришь?

– Как же нет? Конечно, нет! – Под-
дразнивает его бабушка. – Забавно
врешь, зятек. Мне аж завидно.

«Зятек» хватанул очередную рюм-
ку водки, оживился-оживился, стал что-
то путано говорить. И осекся:

– Нечисть! – Жутковато ахнул, а сам
вглядывается в окошко.

Сдернул с гвоздя ружье, вогнал в
стволы патроны – он их всегда носил в
кармане – и, взведя курки, прицелился
в темноту. Валя, Вовка и я бросились
по углам.

– Ты чего буровишь-то? – Не своим
каким-то голосом вдруг заговорила ба-
бушка. – Никого там нету.

– Хватит дурака валять! – Мать даже
крикнула на него.

Но отец вдруг весь подобрался, ог-
лянулся и кинулся вон из балка, хлоп-
нув дверью. Снаружи донеслись его
выкрики:

– Лешаки! Попрытались! Че, взять
хотели? А вот хренка с бугорка!

Из полуоткрытой двери в балок хлы-
нули потоки студеного воздуха. Огонек
ламп задрепетал, и на стенках зашата-
лались пугливые тени. Будто нечисть
уже прокралась в балок.

Нам, малышне, стало не по себе.

– Куражится он, мама. – Обожди,
дверь прикрою.

И тут снаружи один за другим про-
гремели два выстрела. Мама охнула.
Бабушка ругнулась, перекрестилась и
решительно шагнула к выходу. Вслед
за ней я прошмыгнул к двери, приотк-
рыл ее и прильнул глазом к щелке. Сза-
ди на мои плечи насели еще двое лю-
бопытных – Вовка и Валя. Мы так и рас-
положились друг над другом: один на
корточках, другой – над ним, третья –
стоя во весь рост.

– Отойдите сейчас же! – Приглушен-
ным голосом строжилась мать; пыта-
лась оттащить от двери то одного, то
другого. Но мы снова, как тараканы, лез-
ли к щели.

Шагнув за порог балка на морозный
воздух, бабушка спустилась по сту-
пенькам вниз и невольно остановилась.
В небе висело ослепительно яркое све-
тило, и все вокруг было залито его ча-
рующим серебристо-волшебным све-
том. Колдовской поток словно пронизы-
вал и наполнял собой сущее. И все ста-
новилось необычным. Лунный воздух,
лунный лес, лунная поляна. На поляне
стоял лунный человек. Вернее, его за-

стывшее изваяние. Истукан был просто-
волосый. В теплом вязаном свитере. С
ружьем в руках. И только из стволов
ружья зловеще выползали струйки
дыма. Бабушка сделала не более двух
шагов, как вдруг лунатик, стоявший к
ней спиной, резко повернулся и подал-
ся назад.

– Чур, меня! – Заговорил он голо-
сом зятя и взял свою тещу на мушку. –
Стоять, ведьма! Где помело? Счас баш-
ку снесу!

Но бабушка спокойно и твердо по-
шла вперед. Так русские женщины в
лихие времена, презирая смерть, шли
на расстрел. Наткнувшись на ружье,
она одной рукой отвела стволы, а дру-
гой вlepила зятюшке тяжеленную оп-
леуху.

– О-о-о! – Будто придя в изумление,
взревел зять. И бессвязно забормотал:
– Лена, Лена, Лена, Лена...

Бабушка выдернула из его рук ру-
жье и принялась чихвостить непуतेво-
го сродника:

– Ты че делаешь-то, Ирод?! Залил
шары и радехонек? Я те покажу ведь-
му! И помело покажу – вот оно – язык
твой. Да ишшо покажу, где раки ноне
зимуют.

Она спустила взведенные курки,
ухватила малахольного зятя за шиво-
рот и с силой встряхнула:

– Ишшо раз перепугаешь детей – я
тебе сама голову отрублю. Понял? А
теперь – спать!

– Мать, мать, мать, мать, мать... –
«Признал» тещу зять. – Е-моё!..

Но бабушка, держа за шкурку нару-
шителя спокойствия, так и повела его в
балок. Валя, Вовка и я взлетели на вер-
хние полки.

– Мама! Я ж говорила: придурива-
ется он. – Встретила их у порога мать.

– Дак он ружье на меня наставлял!

– Незаряженное! – Покачал пальцем
в воздухе пленник, вдруг чудесным
образом «протрезвев». – Да вы че,
бабы? Шуток не понимаете? Я патроны-
то по сугробам расстрелял.

– Курвин ты сын! – С досадой от того,
что зря натерпелась страху, торкнула
его бабушка.

А он хохочет, будто кто его щеко-
чет.

– Че, оплеухе радуешься? Я-то трез-
ва. Дак хорошо тебе тут пьяному выт-
вораживать.

– Не серчай, мать! – Обнял ее за
плечи зять. – Ты у меня золотая теща.
Только от твоей плюхи у меня из голо-

вы хмель повывлетал. Так что давай-ка выпьем с тобой мировую.

Они подняли рюмки.

– Я во хмелю тоже буйна. – Переведя дух от того, что все кончилось благополучно, посмеивается бабушка. – Щас вот напьюсь, да стану за чертями гоняться. Куда бежать будете?

Мама поворчала на отца за его выходку. Но это ворчание и упреки были только для порядка. Она понимала, что между зятем и тещей должна была состояться окончательная «притирка».

Потом все вместе провожали Старый год. Мы с Вовкой и Валя чокнулись клюквенным морсом. В балке снова воцарились спокойствие, тепло и уют. А впереди был еще Новый год.

– Глухой, неведомой тайгой, – вполголоса запела мать.

Отец любил эту песню и, оперев голову на руку, подхватил:

– Сибирской дальней стороной...

Бабушка вдруг посерьезнела и стала негромко подтягивать:

– Бежал бродяга с Сахалина

Звериной узкою тропой...

Среди глухой сибирской тайги, в игрушечном домике на санях, при свете керосиновой лампы они пели старинную песню и думали о своей бродяжьей жизни.

3. ПРИСТАНИЦЕ

Наша кочевая жизнь с разведчиками-геологами закончилась в начале шестидесятых. Отец и мать нашли себе пристанище в селе Александровском, самом северном райцентре Томской области. Здесь уже была другая экспедиция – нефтеразведочная. Если геологи искали нефть, то нефтеразведчики разбросали по тайге буровые вышки и начали промышленное освоение запасов. И разумеется, искали новые пласты. Но сама экспедиция была привязана к одному селению или к городу. База, одним словом.

В Александровском началось бурное строительство жилья. Теплые дома из бруса выросли на окраине села отдельным поселком. Казалось, что работа кипела там день и ночь.

– Гляньте-ка, че делается! – Охала бабушка. – Стройка-то, как тесто на опаре¹¹, вздымается.

Мы, детвора, кроме балка не знали

дома, даже и не верили, что у нас будет постоянное, недвижимое трактором жилище. И все ж времена балков прошли безвозвратно. Потому что вскоре мы в просторной четырехкомнатной квартире справляли новоселье. Это была уже совсем другая жизнь.

...В пору нашей еще кочевой жизни бабушка старалась быть с нами строгой. Увидев своих внуков в первый раз, бабуля хорошенько потискала, потрепала, обгладила нас. И в тот же вечер спела мне колыбельную:

Баю, баюшки, баю,

Колотушек надаю.

Колотушек двадцать пять,

Чтобы крепче было спать.

После, когда ей с нами довелось жить постоянно, эти посулы стали сбываться. Время от времени нам с Вовкой от нее перепало. Если мы с братом, позабыв обо всем на свете, целый день пропадали на речке, купались до посинения, то бабушка приходила на берег с длинным прутом, и домой мы летели впереди своего визга. А бывало, перед сном долго не могли угомониться в постели. Разговор у нее был коротким:

– Не спите, окаянные? Щас усыпительных пропишу!

И доставала ремень. «Усыпительные» действовали исправно: тары-бары с возней и хихиканьем прекращались, и нас одолевал сон. А ремень в руках бабушки все же был крайней мерой. Иногда мы даже больше ремня опасались ее сурового взгляда и власти голоса. У нашей бабушки было еще одно средство. Если никакие резоны уже не действовали, она произносила:

– Раз вы такие некумеки – больше не буду вам ничего рассказывать!

И все. Мы тут же прекращали разбойничать, просили прощенья и чуть не плача начинали умолять:

– Бабушка! Миленькая! Расскажи че-нибудь.

Невозможно было представить, что не услышим от нее чего-то интересного. Немного поупрямится бабушка, будто бы из-за наших провинностей. Садится за прялку, в руках уже веретено, тербит куделю из собачьего пуха и говорит:

– Ну, ладно. Вот, слушайте...

А сама вертит веретено, сучит¹² нитку. И рассказывает, рассказывает...

Про Федула, который губы надул оттого, что кафтан прожог. Про блинно-

¹¹Опара – закваска для теста.

¹²Сучит – скручивать.

пирожную тучу, как из нее выпадали блины, пироги да крендели. А то про упрямую старуху. Главное, рассказывает совсем другим, особенным говором.

... Оно ведь как? Везде, в каждом монастыре – да свой устав. На каждом крылечке – свои балясины. Ну, а че уж ни деревня – то свой лад. Наша-то, где я жила, дак вот, она упрямыми бабами завсегда славилась. А вот одна баба – ну, из всех баб была баба вупрямишша-привупрямишша.

Вот ее старик – эт на пашню, бывало, поедет и говорит:

– Ты, старуха, на пашню-ти обед не носи.

– Как – не носи? Жива не буду, понесу!

– Ну, а понесешь, дак по мосточку-ти не ходи. Мостик-ти гнилой, провалит-ся.

– Хо – ты! Гнилой. Провалится. Обязательно по мостику пойду. Да ишшо поплыву на ем.

Так и есть. Пошла проклята баба по мостику. Ну, мостик-ти гнилой – провалился. Старуха-то – бултых в воду и ореть! Ну, народ-от подхватился – и бежит спасать прокляту бабу вниз по течению. А старик-то сподхватился да вверх по течению бежит. Ему кричат:

– Ты че, сдурел?

Он отвечает:

– А я свою упрямую бабу знаю. Она вверх по реке поплывет!

Так-ти и есть. Нашли старуху вверх по течению.

А маленько спустя старик-от собрался в город. И поехал в город. Ну, а старуха-то села под окошечко. Семечки пошолокиват. А под окошко просо для просушки рассыпала. А мимо окна-то гуси – один за одним, гуси. Ну, да то просо, заметь, взяли и поклевали. Старуха выскочила, загнала к себе гусей. Како-то время спустя старик возвращаются из города. И говорит:

– Старуха! Я там это... в стайке-то гусей видал. И чьи же это гуси?

Старуха говорит:

– Наши гуси.

– Как это, старуха, наши гуси? Иде ты их взяла?

– Да они суседски были. Мое просо поклевали – наши стали.

– Ой! – Старик говорит. – Нехорошо, старуха. Отдай гусей-то, выгони. Не наши это гуси.

– Мое просо клевали – значит, наши стали. Мои гуси! – Кричит старуха.

Ну, старик-от бился, бился. Че делать-то?

– Выгоняй, – говорит, – старуха. Не то сама уходи.

Ну, тут на старуху крик напал. Знаешь крик? Вот у нас, ежели на которую старуху или бабу каку крик нападет, так друга неделю крычит, другу крычит, пока свое не выкричит. Вот на эту старуху тоже крик напал.

– Ой! – Кричит. – Зарывайте меня живу в землю! Старик-ти меня не уважат!..

Ну, че делать-то? Так ить и зарыли прокляту бабу в землю. От до чего упряма была!

После, как обсудит старуху из сказки, бабуля припоминает и наше упрячество:

– Ты, Вовка, задириха. А ты, Борька, неспустиха. Давеча опять дрались, как бесенята. Прямо водой не разнять. Будете такими упрямыми – тоже не туды поплывете. Опять же из речки вас палкой не выгонишь. Вот ежели утонете, я вас хоронить-то не стану. Подвешу на веревочку, да и высушу, как подъязков. И будете вы висеть вот такие. Бабушка выпучила глаза, втянула щеки и пошевелила губами-трубочками. Валя с бабушкой прыснули. Мы с Вовкой сконфузились и в ответ скорчили им рожи.

– Бабушка! – «Спохватывается» Вовка, чтобы увести разговор в другое русло. – Я седня в школе две загадки отгадал.

– А ну, какие? – Прищуривается бабушка; просвечивает Вовкину натуру насквозь и даже глубже.

– Первая-а-а... про... как там?.. Ой, забыл первую.

– Ну, вспомнишь, потом расскажешь. А другая про че?

– А другая, – оживляется Вовка. – Другая это... как ее?.. Я и другую забыл.

– Дак тада у тебя етот... Как его?.. Склероз начинается. Как у бабки Скрипчихи. – Смеется бабушка. – Ладно. Тада слушайте мою загадку: «На плешь капнешь, по плещи ляпнешь и плешь оголишь». Че это?

Мы долго ломаем головы, потом сдаемся. Выясняется, что это блин на сковороде.

Вовка вспомнил хитрую скороговорку, которую недавно где-то услышал. И решил перехватить разговор:

– Бабушка! А ты можешь быстро сказать: «С подвыподвертом»?

– Ну-ка ишшо скажи.

Вовка повторил свое затверженное. Бабушка пытается выговорить, но то, что у нее получается, приводит нас в бурный восторг. Она щелкает Вовку по носу и хочет вместе с нами. Заканчивается это тем, что бабуля оставляет свою прялку и принимается хлопать в ладоши, приглашая нас поплясать.

– Об-джя, Рема!

Не ночует дома!

В кабаке за бочкой!

Сухари с примочкой!

Ать, ать, а-тя-тя! Приплясывает бабушка. Вовка, Валя и я дурачась, хлопаем, топаем, хоть не попадаем в такт. Пляшем! Шум до потолка...

И вдруг раздался незнакомый, с каждой секундой нарастающий шум. Мы тут же прилипли к окнам, и за ними открылась удивительная картина. Взвихрив облака снежной пыли, на базу экспедиции приземлились два вертолета. Владения базы начинались рядом с нашим домом, за деревянным забором. Поэтому «ветролеты» (так их называла бабушка) сидели как на ладошке, метрах в пятидесяти от нас. Мы глядели во все глаза на это чудо, потому что никогда раньше не видели вертолетов «живьем», да еще так близко. Этим непоседам все время хотелось подпрыгивать, стрекотать; они напоминали двух большущих стрекоз. Даже свои винты – крылья железные – машины, отдыхая, опускали вниз точно так же, как стрекозы. Только еще хвосты не поджимали.

– А я знаю, почему их так называют – вертолеты. – Сказала Валя, когда радость немного поутихла. Винтики вертятся у них, вот и вертолеты.

– А тада теплоход – это че? Вдруг интересует бабушку.

– Это значит, внутри тепло, и ходит куда захочет. – Ответила ей Валя.

– Теплым ходом он идет, потому и теплоход. – Ввернул свою догадку Вовка...

А мы с Вовкой часто вспоминали наше житье-бытье в первых экспедициях. Да, это была жизнь на колесах (на санях...) Каждое селение оставляло свой след в памяти.

А как радовались ребятишки из хантыйского интерната, когда зимой через село провозили воз мороженой рыбы. Хантыята бежали за подводой, просили рыбки, а потом с превеликим удовольствием сгрызали сырую и мерзлую, называли рыбешку «патанкой».

Мы видели первую нефть, которую

отыскала экспедиция. Геологи показывали ее в пробирке, бережно доставали из-за пазухи. И нам, детворе, от горшка два вершка, она тоже была драгоценностью.

Сургут, Нижневартовск, Мегион казались нам обыкновенными селами, где останавливались экспедиции. Пройдет еще много лет, прежде чем их назовут форпостами нефтяного Севера, и они станут нефтяными городами.

...Вертолеты остались в экспедиции насовсем и летали каждый день. Потом их число прибавлялось, больше, больше. Они садились на базу, поднимали с земли и уносили к буровым установкам связки труб и даже небольшие цистерны. Груз обычно висел на тросе, вращался в воздухе, а когда вертолет набирал скорость, немного отставал от самой «стрекозы». Первое время бабушка со смешком и плохо скрываемой тревогой провожала взглядом каждый взлет вертолета. Мол, не навернулся бы оттэда... Однако «стрекозульки» работали надежно. Разве что их ноша, неудачно закрепленная, иногда падала.

К вертолетам мы быстро привыкли. Еще через несколько лет в экспедиции внедрили вахтовый метод работы, и наш отец стал добираться до буровых к своему трактору только на вертолете. Очень удобно. Улетит, поработает. Возвращается на отдых – и мы с Вовкой едем с ним на охоту, на рыбалку. Красота!

Мама работала на базе экспедиции. А мы, подрастающее поколение, вместе с бабушкой прямо из окна могли наблюдать отечественное вертолетостроение.

Вначале на базу прилетели аккуратные МИ-4. Потом побольше – МИ-8 с турбинами над кабиной пилотов. Позднее потрясли звуками моторов, турбин и своими размерами огромные МИ-6. Во чрево их входили и трубы, и контейнеры, и запросто въезжали небольшие трактора и машины. Появилось новое оборудование, вездеходы, тягачи. У нефтяников увеличились заработки. Это значило, что в Сибири пошла большая нефть. Та самая нефть, ради которой мотались по лесам и болотам первые экспедиции геологов.

...Северный марток поворотил на весну. Стало чаще выглядывать солнце. Снег заметно осел и взялся настом¹³.

¹³ Наст – ледяная корка на поверхности снежного покрова (или затвердевший верхний слой снега).

В деревне, где мы живем и учимся, квартирует вся наша экспедиция. И мы – отец, мама, Вовка, Валя, бабушка и я – поселились в просторном бревенчатом доме. Хозяин дома, Северьян, – крепкий старик. Днем он управляется с хозяйством: кормит-поит овец, лошадей, убирает за ними. А вечером достает инструменты и делает заготовки для резной кошевы¹⁴. Кошевки у него выходят красивые, пригожие – любодорого посмотреть...

В доме тепло, пахнет струганным деревом. А мы наблюдаем за работой мастера, слушаем его ровный разговор.

– Раньше-то, в молодости, я – огого! Разбитной был. Горячий. Это теперь выйду на двор побрызгать, дак уже и снег не тает...

После вступления старик рассказывает, как он гулял, женихался, бился на кулачках и подсмеивался над девками. Иногда Северьян запрягал коня и катал нас в раскрашенной кошеве.

Один раз утром в деревне всполошились собаки. Все сразу. Чувствовалось, что не просто брешут для порядка, вроде на всякий случай. Дружный собачий хор гремел с остервенением. Значит, что-то случилось.

Мы с Вовкой накинули шубейки, сунули ноги в пимы, головы в шапки и выбежали на улицу. Встали и рты разинули. Что за диво?! В ста метрах от нас, растопырив окровавленные ноги-ходули, как скорбные изваяния стояли четыре большерогих лосей. Через минуту мы уже возле них и как замороженные смотрим на лесных гостей. А у них в глазах – тоска смертная. Запали бока и ребра выпирают. Видать, лоси с великим горем сумели дотащить до человеческого жилья свои шкуры да кости. Мужчины окружили зверей и держат оборону от собак, а те звереют, надрываются лаем и пытаются прорваться к лосям. Люди отгоняют их палками.

Между тем утро поднимало, ставило на ноги деревню. Мужики запрягали лошадей и разъезжались в разные стороны. Посмотреть картину «Лоси в деревне» примчались соседские мальчишки. Откуда ни возьмись, рядом с нами, тут как тут бабушка. Она с ходу ухватила за руки меня и брата и потащила за собой.

– А ну, гуси-лебеди! Полетели. Подсобим добрым людям тальник смыгать.

– А зачем нам тальник смыгать? – Ничего не понимает Вовка.

– Щас узнаешь. – Пообещала бабушка. – Ты, Вовка, лосей видал?

– Да вон они стоят! – На ходу повернул голову назад Вовка.

– А то, что они с голоду подышают – понял?

– Ага. Прямо шкилеты какие-то...

– Вот и именно! – С упреком надавила бабушка, будто это именно из-за нас с Вовкой лоси теперь подышают с голоду. – Они себе пропитание добыть не могут. А ты, Борька, знаешь, почему?

– Жерди свои об наст поизрезали... – Высказал предположение я.

– Так и есть. – Согласна бабушка. – Обезножили лоси. Вот мы их и подкорчим.

– Тальниковыми шкурками? – Уточняет брат.

– Молодец, Вовка! Ты у нас догада. – Подхвалила бабушка. – А кожа таловая – самая вкуснятина для лося. Ясно вам?

Мы с Вовкой враз покивали. Однако в моей голове кое-че не укладывается.

– Бабуль! – Дергаю я ее за руку. – А почему лоси в деревню-то приперлись? Они ведь звери дикие.

– Вот то-то и оно, Боря. Когда звери чуют смертушку лютую, они за спасением к людям идут. А с другой стороны: кто ишшо им поможет?

Бабушка отпустила наши руки и сказала:

– Сами шагайте.

– Ладно. Пошагаем. – Согласился Вовка. – У нас и свои шаги есть. Правда, Борька?

– Еще какие!

И мы пошагали большими шажищами – кто дальше шагнет.

– Эй, скороходы! Штаны порвете – сквозняк будет. – Прикрикнула бабушка. Мы прыснули и побежали вприпрыжку.

В школе, в единственном ее зале, уже лежала, топорщилась горка молодого тальника. Запотевшие с мороза зеленые палки толщиной с мою руку, а то и с оглоблю, торчали в разные стороны. В помещении, как в муравейнике, копошится взрослый и малолетний народ. Люди-мураши вытаскивают из горки палки, кладут одним концом на подоконник или на трубу отопления, а другим на пол, срезают с древесины кожуру специальными ножами, похожи-

¹⁴ Кошева, кошевка – легкие сани с кузовом, обычно обитые кошмой и яркой тканью.

ми на скобу с двумя ручками. Мелюзга сидит на палках верхом. Нам дали такие же ножи-скобы, и мы засучили рукава.

Тут я вспомнил, что говорила бабушка, пожевал кусочек тальниковой кожуры. Она была сочной, но очень горькой. Пришлось выплюнуть эту лосиную вкуснятину.

Мысленно пожалел лосей и принял ся шкурить тальник. А его, между прочим, все подвозили и подвозили.

Голые белые палки ребятишки выносили во двор и складывали горкой. Мало-помалу работенка без разгибу стала отзываться в спине. Возле каждого уже лежал ворох тальниковой кожуры, но делу не было конца.

– Бабушка! – Вдруг жалобно сморщился Вовка. – У меня позвоночник болит!

– Бедненький... А где он у тебя, позвоночник, ты знаешь?

– Да вот он, сзади живота. Просто душно закинул руку за спину Вовка.

– У меня тоже спина болит! – Подхватил я. – И еще мозоль на пальце. Вот – на, смотри.

– Музоль натер – надень рукавичку. Спины у них заболели... А лоси че? Пускай с голоду окочуриваются? Им этой кожуры надо воз и маленькую тележку.

Нет, мы не хотели, чтобы лоси окочуривались с голоду, и сдерживали, сдерживали зеленую кожуру с холодных влажных жердин. Домой едва плелись, но с довольным видом. Теперь мы точно знали – лоси будут спасены.

... «Пришел марток – надевай трое порток», – наставляли нас мама и бабушка. И мы, как всегда, утеплялись. Но марток как-то незаметно прошел, подтаял апрель, а там – и май с июнем припожаловали. Ожила северная природа, забурлила. Вот-вот позовет к земле. Только земляца местами скудна, местами песчана (дно моря когда-то было) – для возделывания не годится. Однако нашей старой яблоне, что пустилась за своими яблоками в северные земли, все-таки засветило счастье. Помоталась бабушка с нами по северам, повидала скудные земли. А не выветрилась, не растряслась по кочкарникам и ухабам ее крестьянская коробушка. Не угасла ее далеко не единая, но вправду пламенная страсть. Землица... Тут-то она и подгадала! В Александровском земля оказалась вполне пригод-

ной для огородных посадок. И бабуля развернулась.

Разделила огород на два. С одной стороны дома и с другой. Купила поросят, дойную корову – ведерницу. А еще до этого подчинила и сделала своей артелью все наше семейство. Да так, что мы даже понять ничего не успели. Отец, Вовка и я приколачивали штакетник, городя огороды. Поставили две стайки: для коровы, ее будущих телят и для поросят – будущих свиней. Вокруг бабушки все кипело. Мы, юнцы, выросли в тайге, никогда в жизни не нюхали крестьянского труда. Она обучила, рассказала, показала. Да еще «на десять рядов». С шутками, легко, весело, а то и взашей. Мы вместе со взрослыми копали землю, сажали картошку, овощи. Вперегонки с братом ведрами на коромыслах носили воду поливать огурцы. Всея семьей «литовками»¹⁵ косили траву. Потом сгребали сено, делали копны, метали стога. И почему-то делали все это весело. А когда отец зимой привозил трактором стог душистого сена, то играть, кувыркаться, барахтаться в нем было истинным удовольствием. Артель дружная, делали все в охотку.

В летние каникулы мы с друзьями-мальчишками сговорились пойти на рыбокомбинат, заработать собственные деньги. Там в растворе хлорной извести мыли щетками ящики из-под рыбы, отколупывая ногтями крупную присохшую чешую.

Прямо на берегу Оби громоздился ледник рыбокомбината, укрытый от солнца соломенными матрацами. Мы пешнями¹⁶ откалывали крупные куски льда и по деревянному, обитому жестью желобу отправляли их в трюмы плашкоутов¹⁷, стоящих внизу у причала. После загрузки плашкоутов льдом катера буксировали их к бригадам рыбаков на стреж-пески Оби. Там для сохранности рыбаки закладывали на лед только что выловленную, еще трепыхавшуюся рыбу. Это пока трюмы не будут полные. Потом их выгружат в Александровском.

Как-то мы, мальчишки, случайно забрели на рыбокомбинате в помещение для приемки рыбы. И увидели – ба! – на полу шесть осетров, рядком, будто в грозном боевом порядке. Живые ры-

¹⁵ Литовка – большая литая коса с длинной ручкой и прямым косьем.

¹⁶ Пешня – род лома для колки льда.

¹⁷ Плашкоут – несудоходное грузовое судно.

бины трехметровой длины, если не больше. Осетров-то мы видели и раньше, случалось. Но те были не очень большими и поодиночке так не впечатляли. Эти огромные, напружиненные силой осетры изумили нас диковинной красотой, будто мы видели осетров впервые в жизни. Кольчугой поблескивали ряды крупных шипов. Лобастые остроносые головы и странно выдвигающиеся вперед большие круглые рты. Хвосты по-акулы изогнутые. Казалось, рыбины злобно сверлят нас светящимися глазами и вот-вот бросятся на людей...

Следующим летом мы с Вовкой набивали себе мозоли на кирпичном заводе, испытали, что такое конвейер. Как заводные кидали песок, месили глину, носили горячие кирпичики. Домой едва притаскивали ноги. Мама с бабушкой встречали нас уважительно, упреждая малейшие желания утомленных «рабочников». Так встречают с работы настоящих мужиков, кормильцев семьи. Однажды за ужином, подкладывая нам побольше мяса, бабушка сказала:

– Ну, ребятки! Ежели сдюжите поработать до осени – цены вам не будет.

Но мы уже и сами хотели попробовать себя на излом. К осени мы с братом еще больше окрепли и возмужали...

Хотите верьте, хотите нет, но колоть дрова нас, юнцов, учила бабушка. Машать колуном мы и сами умели. Но, оказывается, чтобы расколоть чурку любой толщины и любой древесины, нужно эту самую древесину почувствовать. И если еще понять, где сучья, как идут трещины и куда ударить – чурка развалится у ваших ног. Жаль, артисты в кино дрова колоть не умеют...

Коротко лето, коротко на Севере, а вот, пойдя ж ты...

И летом, и осенью мы с бабушкой любили ходить в лес. Находили земляничные поляны. Брели княженику, чернику, бруснику, малину и смородину. Если по дороге встречался муравейник, бабушка обязательно подходила к нему и легонько похлопывала ладонью по верхушке. Встревоженные мураши вылезали из всех норок на вершину муравейника и начинали беспорядочно бегать. Бабушка так же легонько, не причиняя вреда, похлопывала по муравьям ладонью и подносила ее к носу. Мы повторяли. Сначала в нос ударял муравьиный запах. А он острый, какой-то пахучий. Этот «букет» взбадривал,

пробирав так, что перехватывало дух. Однако интересно, мы снова и снова втягивали носом такое благоухание. Помоему, наш таежный муравейник вобрал в себя самые неуловимые запахи леса и только так вот – из муравейника – можно взять их, как берет и вдыхает в себя бабушка.

В лесу бабушка аукала, гукала¹⁸. Мы отвечали ей.

– Бабушка! Ты че все время аукаешь? – Спрашиваю я. – Мы же близко, тебя и так видим.

– Да чтобы лешак не закружил. А чтоб он не водил тебя, Борька, в лес, когда заходишь – посмотри: где солнце, как оно по небу идет, где сядет. По солнцу потом и выходи. Сам кумекай, куда оно тебе смотреть будет – в бок, али в спину. Валюшка, Вовка и я подтягиваемся ближе к бабушке.

– А вечером да ночью, – обращается бабушка уже ко всем нам, – на небе звезды примечайте. Ковш большой на небе увидите, семь ковшей от дальнего края на ветру отмерьте – этот край покажет на Северную звезду. Она всегда на Север указывает. Вот по ней и путь находить надо.

– А если тучи на небе, и заблудился в лесу? – Спрашивает Вовка.

– Ну, если заблудился, Вовка, ты, главное, не тушуйся. – Посерьезнела бабушка. – Остановись. Послушай. Может, звук на человека выведет. Выйдешь к речке – иди по берегу, на дорогу выйдешь – иди по ней. Обязательно к людям придешь.

Мы ненадолго расходимся, но меня вновь притягивает голос бабушки:

– В тайге, Валюшка, бывает год, когда идет большая шишка. В такой год орешек хватает всем: и птицам, и белкам, и бурундукам, и людям. А бить шишки нет нужды – они сами на землю падают...

Лесные прогулки наши и, конечно же, рыбалку, охоту постоянно омрачали пауты, комары да мошки. Тогда еще никаких мазилок от гнуса не было. Пучок веток в руках – вот и обмахиваются люди этим веником, будто парятся. А то мама или бабушка вырежут кусочек полотна из старой рыболовной сети, из толстой нити с мелкими ячейками, намочат их в дегте, отождут да и накинут нам, ребяташкам, на головы. И вся защита от комаров. Потом уж появились специальные шляпы с сетками – нако-

¹⁸ Гукать – кричать, звать.

марники, разные мази и репелленты. Появился костюм от клещей, прозванный «энцефалиткой». Но если в тайге человек не защитил себя от гнуса – полчища маленьких кровососов закусуют, жалят насмерть. С другой стороны, я много раз видел, как люди ели комаров. Не из мести, конечно. На рыбалке, на охоте я неумоимо вычерпывал из ухи или утиного супа комаров, которые падали туда один за другим. Мужики подтрунивают:

– Боря! Так ты весь суп из своей миски вычерпаешь. Лопай с комарами – мясо же!

Я говорю:

– Спасибо! Мне мяса хватает. Могу поделиться.

– Да ладно. Нам щас своего нападает.

Они и вправду ели суп вместе с крупными голенастыми комарами....

Жизнь в Александровском – совсем не та, что кочевая. У нас почему-то оказалось много времени. Его хватало на все: и на учебу, и на рыбалку, и на охоту. И конечно же, на забавы. После школы мы забрасывали портфели, уплетали еду и уносились играть. Зимой аж до звезд. Строили снежные крепости, играли в «двенадцать кобыл», в «цепи кованые», в чехарду. А летом – пока не надоест. Проворно бегали по верхним венцам деревянных срубов. И редко оттуда кто-нибудь спрыгивал вниз – равновесие потерял. А если кто и соскакивал с двух-трехметровой высоты, то легко спружинивал – и через полминуты уже опять наверху. Ну, и конечно же, мы любили играть в футбол. Пока еще на дороге, на улице. Потому как поблизости ровней и места не было.

В один прекрасный день в наш поселок нелегкая принесла цыганскую семью. Важно толстопузого цыгана с золотым зубом, худящую, как щепка, цыганку и трех цыганят – двух мальчуганов и совсем маленькую девочку. Поселились они неподалеку от любимого места наших игр, в доме у дороги. И скажу, отношения с цыганом сразу не сложились. Смуглолицый, он сердито зыркал страшными глазами, громко и скверно ругался, кидал в нас комьями земли. И вообще, презирал всех, кто был ростом ниже его и тоньше пузом. Мы платили ему той же монетой. А поскольку на поясе цыгана всегда висел длинный, вложенный в ножны нож, то это добавляло нам азарта и куража.

Однажды днем мы играли в футбол

на дороге, и мяч легонько ударил в окно квартиры, где они жили. Цыган только этого и ждал: тут же выбежал из дома, схватил мяч и учинил ему показательную казнь. Он не спеша, с мячом под мышкой сходил за топором. Положил кожаный пазырь на толстую чурку для колки дров. Причмокнул от удовольствия, размахнулся и ударил. Упругий мяч не дался. Топор вырвало из рук палача, отбросило далеко в сторону. Цыган ошалело смотрел на мяч. Тот подпрыгивал возле чурки, как ни в чем ни бывало.

– Сыволочь! – Прохрипел лиходея. Он оскалился, выхватил нож и зарезал, как поросенка, любимца всей ребятни. После чего швырнул его к нашим ногам. Казнь состоялась, и мы восприняли ее как кровную обиду. Чтобы добить нас морально, цыганка показывала в окне голую попку своей маленькой дочки....

Но мы посмеялись над цыганкой. Забрали наш порезанный, скукоженный мяч и пошли. В тот же день у нас появилась новая считалка:

Цыган черный
В трубу пернул.
Дым валит –
Тебе голить....

Мы вынули и заклеили резиновую камеру. Зашили кожу прочной ниткой. Потом засунули в нее камеру, накачали воздух, зашнуровали и вечером того же дня снова играли в футбол. Толстопузый цыган дождался, когда мяч упрыгал к его крыльцу, и снова его изловил. С удивлением узнав пропоротый ножом и заштопанный мяч, он долго не мог докумекать: почему эта дырявая, пустая внутри кожа не валяется на земле, как дохлятина, а снова весело прыгает по дороге? Что бывают резиновые камеры, он не знал и даже не догадывался.

Раз вечером, когда стемнело, мы подвесили над окном цыгана картофелину. К нитке, у самой картошки, привязали длинную нить потолка. Дотянули ее до телеграфного столба, а затем под девяносто градусов повернули до соседнего дома и спрятались за углом. Потом легонько стали подергивать. Картофелина в окно – стук, стук... Мы нить натянули, картошка поднялась, ее не видно. Цыган к окошку шасть, руки к лицу раструбом, по стеклу лбом елозит – вглядывается. А нам смешно. Опять картошкой в окно постучали. Он из дома выскочил, нож выхватил, бегаёт, руга-

ется. Потом увидел картошку на нитке, смикитил, в чем дело. И решил, что длинная нить приведет его к нам, проказникам. Взаялся за нее и бросился туда, куда она вела. Да в темноте об столб – бац! Он матюгается, а мы гогочем и кидаемся врассыпную...

С малолетства мы привыкали к серьезным отцовским заботам. Помогали чистить и смазывать ружья, заряжали патроны. Из старых валенок пыжерубкой рубили войлочные пыжи. Картонные прокладки нарубали из обложек потрепанных книг. Выбивали из стреляных гильз капсюля. Барклаем вдавливали на их место новые. Порох отец взвешивал на аптечных весах, регулировал мерку и, конечно, в гильзы насыпал сам. А уж мы потом, запыхив, снаряжали эти патроны тяжелой дробью. И когда ездили с отцом на охоту, сами тоже стреляли.

Раз просыпаюсь рано утром оттого, что отец трясет меня за плечо:

– Борька! Вставай. Глянь – Вовка к уткам подкрадывается.

Выходим из палатки – туман. Чуть видно край озера. Вовка, пригнувшись, на полусогнутых подбирается к высокой траве у воды. Приподнимается, целится в едва различимых уток. Блеснул огонь, грянул выстрел, и перед Вовкой вывалилось огромное облако дыма. Утки захлопали крыльями. И вот наш Вовка с большим ружьем в руках в азарте бегаёт туда-сюда по берегу, выглядывает из-за дымовой завесы, пытается разобрать: попал или не попал? Мы с отцом громко хохочем, и я окончательно просыпаюсь.

– Вот этих уток нынче Вовка добыл. А вот этих – Борька. – Степенно говорит дома отец и раскладывает на полу дичь.

– Добытки растут. Мужики. – Любуются нашими утками мама с бабушкой, и сердца юных охотников наполняются радостью и смущением. Женщины со вниманием выслушивают наши сбивчивые рассказы о случаях на охоте. Например, как отец проверил озерко и вернулся с хорошим трофеем. В одной руке – ружье, в другой – большущий крякаш¹⁹.

– Вот каких уток добывать надо! – Он небрежно бросил своего красавца к нашим мелким чиркам да чернедям. Но крякаш не долетел до земли, вдруг встрепенулся, вытянул шею, захлопал

крыльями и... полетел куда подальше. Мы остолбенели, так что стрелять в угон никто и не пытался...

– В кривину твою мать! Хренопутало заморское! Только попадись мне! – Кричит ему вслед отец.

Дома он объяснил примерно так. Птица крепкая. Досталось мало. Нес за шею – придушил. А хлебнул воздуха... Че ж ему не лететь? И снова добрые пожелания крякашу... А мы, а мы... смеемся до колик в животе.

Женщины кормят нас, мужиков. А потом принимаются за обычные свои хлопоты: теребят перо, палят и потрошат дичь. Под конец этого обряда бабушка отрезает красные перепончатые лапки уток, начинает с Валею игру в «живую лапку». На срезе одной из лапок она отыскивает жилку. Потягивает за нее, отпускает. Лапка вдруг «оживает» – она то сожмется в кулачок, то разожмется, растопырится. Разжатую лапку бабуля быстро подносит к Валиному лицу и пытается ухватить не нос, так ухо. Валюшка верещит, а мы с Вовкой рогочем и бежим делать такие же цапалки.

Крылышками уток мама и бабушка смазывали сковороду или готовые блины маслом. Пушистыми задними лапками зайцев сметали со стола крошки хлеба. Когда ели дичь, бабушка подкладывала в тарелку мне или брату сердечки уток, зайца или глухаря. Мы их съедали и были уверены, что станем настоящими охотниками. Валентине она подкладывала птичьи крылышки: все равно, мол, из семьи улетать. Ежели в мясе попадалась дробинка – она была «счастливая». Считалось, что если ее положить в новый заряд, то выстрел тоже будет удачным. Мы верили в эти охотничьи приметы и относились к ним уважительно.

Лет примерно с двенадцати мы с братом уже охотились самостоятельно. Весной и осенью – больше на уток. Зимой искали глухарей, косачей, куропаток и зайцев.

И мама, и бабушка сами знали следы многих зверей и птиц. А ничего тут особого не было. Путешествия по тайге учат. Следы медведя – косопята с когтями – запоминаются сразу. Рысьи тоже, и росомахи. Лапки заячьи, лисьи – всех зверьков знали. Прошмыгнул зверек – ага! Такие у тебя следы! А тут – стоп! Незнакомый след. «Чей такой? Почему не знаю?» В общем, за зиму запоминаются и следы, и какашки, и как

¹⁹ Крякаш – кряква. Крупная утка кряковой породы.

себя вести при встрече с тем, кто на- следил...

В пятнадцать лет на меня обрушилось счастье. Я получил подарок, который и до сей поры считаю лучшим подарком в своей жизни.

Был самый обыкновенный выходной день. Вся наша семья дома. Сидим, обедаем. Вдруг стук в дверь, и к нам вваливается Большак – наш сосед Большаков дядя Толя. Немного смущаясь, он торжественно вручает мне новое, блестящее смазкой ружье:

– Держи, Борька! Это... Зима – не лето... Подарок тебе в день рождения. – Прогудел и своей лапшей пожал руку так, что у меня сплющились пальцы.

– Одностволка. Двадцатый калибр. Ствол – погляди – хромированный...

Я верил и не верил в чудо. Я держал в руках великолепное тульское ружье с длиннющим стволом. Мое семейство окаменело. От такого подарка мне. Да еще от того, что не могли сообразить: «Какой день рождения? У Борьки он месяца аж через три...». И только бабушка подморгнула мне ободряюще и с хитринкой. Мол, бери, Борька, подарок. Не тушуйся. Стало ясно: каким-то боком она имеет касательство к этому бесценному дару.

– Спасибо!.. Дядя Толя... – Судорожно сглотнул я.

Впился глазами в ружье: «Мое!» Сердце захлестнула волна ликования, и я очутился на седьмом или восьмом небе...

Это был никакой не подарок, а именно дар. Оно, конечно... мы кое о чем мало – догадывались. И уж, само собой, тут понятно стало, что в советчики к Большаку пробралась наша бабушка.

Как я уже говорил, дядя Толя частенько захаживал к нам. «Покалякать» с отцом, с мамой, с бабушкой. А при случае сетовал на то, что Сережка-де, сын его, мал и в хозяйстве еще не помощник. Бабушка сразу ухватывает нить и потягивает за нее:

– Толя! Может тебе чем помочь по-седски? Ты говори. Мы ведь не чужие.

– Да дровишек бы напилить, Сергевна. Мне Сашка-то ваш три хлыста березы приволок трактором. Я – тык, мык: «Дружба» сломалась, бензопила-то. Ручную доставать надо. Так ведь она тоже дружбу ищет: тебе даю, себе беру. Да поровну. А одному – никак.

– Дак ты возьми вон Борьку наше-

го! – Как рабовладелица раба предлагает меня бабушка. – Седня напилите, а завтра он и чурки поколет.

– Да колоть-то я и сам! – Обрадовался дядя Толя. – Мне ведь главное – напилить...

Бабушка тут же берет быка за рога: – Борьк! Подмогнешь дяде Толе дров напилить?

– Запросто! Я смеюсь, рад, что вот, пожалуйста: школьник, а могу выручить Дядю Толю.

С дядей Толей мы уже строили сарай, ездили в лес за жердями. А когда они с тетей Дусей хотели в кино или в гости пойти, то просили меня «поводиться» с ребятами – Верочкой и Сережкой. Я придумывал сказки, разыгрывал истории. В общем, когда родители возвращались, то утомленные играми дети уже просились в постель.

А ружье, бесценное мое сокровище, – это плата за труд? Благодарность доброго соседа? Ни в коем случае! Не так уж велики труды, и слишком высокая плата. Здесь уже личное. Бабушка сказала дяде Толе: «Мы ведь не чужие...» И в самом деле. С хорошими соседями Большаковыми жили так, как и жили на Руси, – дружно, весело, хлебосольно.

Между прочим, мое несовершеннолетие взрослых не беспокоило. Многие наши сверстники и даже мальцы охотились с отцовскими ружьями. И никому не приходило в голову их отнимать, брать грех на душу. А вдруг в лесу или у реки парнишке встретится медведь?

Свое ружье я испытал в деле через несколько дней после обретения, когда мы с бабушкой отправились проведать наши стожки сена.

– Может, их там дожджиком пролило? Может, верши²⁰ подправить надо. – Заботилась бабушка, пускаясь со мной в дорогу.

Вокруг нас повизгивает, носится кобелек Верный. Рад-радехонек, что его берут с собой. Молодой, еще пороку не нюхал. Будет ли он доставать из воды сбитых уток?

– Борьк! – Прочитала мои мысли бабушка. – Верный-то наш – ни пёс, ни баран. Не поплывёт за первой уткой, котору ты собьёшь – и все. Толку не будет. Потом приучай, не приучай – считай, не утятник. Дак может ты не станешь стрелять-то седня?

²⁰ Верша – связанные крест-накрест четыре палки, которые кладутся поверх стога для его укрепления.

– Еще как стану! А если он не поплывет за уткой – сам сплаваю.

Я, конечно, бодрился, но все же с тревогой посматривал на Верного. У нас всегда были хорошие собаки. Шли на зверя, боровую дичь. Утятники такие, что лучше не бывает. А этот шалолай... необстрелянный. Вдруг и вправду не поплывет? Тогда ему одна охота²¹ – курей гонять. А потом – на собанки²¹.

Мы перешли по старому деревянному мосту через речку Анвар и пошагали вдоль высокого берега. Был погожий солнечный день. Каждая былинка пела. В небе и в речке плавали облака. Иногда впереди из-под берега взлетали утки. Я срывал с плеча ружье, взводил курок. Но быстрокрылые бестии видели нас издали и будто поддразнивали, все время на расстоянии держались. Одностволка моя уже пристреляна за огородами у леса. С тридцати метров – семнадцать дробин в тетрадный листок! Очередь за утками. Однако Верного занимали совсем другие птицы. Он, как последний дурошлеп, облаивал ворон, гонялся за стайками воробьев у дороги. И я мысленно уже прощался с мечтой сделать из него утятника. Видя мои сомнения и несуразность поведения Верного, бабушка посмеивалась то надо мной, то над ним.

– Бестолковый! – Вынесла она приговор пустобреху и махнула на него рукой.

Между тем мы уже подходили к покосным местам и стали обходить озеро. Вокруг озера и дальше в продольную ленту тянется покос. Ладно стоят, крепнут перед зимой небольшие стога сена. И только одна неприбранная копешка расплзлась по земле. Трава выкошена чисто и ровно, как под гребенку. Я полюбовался на эту красоту и повернулся к бабушке:

– Бабуль! А помнишь, маленьким нам ты рассказывала сказку: мужик с бабой заспорили – стрижено поле или брито?

Но бабушка вдруг замирает и делает мне знак. Оглядываюсь: Верный прыгнул голову и, уставившись в одну точку, ползет к высокой траве у самой воды. Думаю: «Елки – моталки! Это че с ним? Поди, ондатру учуял...» Вдруг пес-щенок рывком бросается вперед, из-под его носа взлетает утка, и он в прыжке успеваеет схватить ее за хвост.

Более забавной собачьей морды я больше никогда не видел. Этот сукин сын Верный, выпучив глаза, держит в зубах утку. А она, стремясь освободиться, лупасит крыльями по его морде. Похоже, гузку-то он ей прищемил.

Бабушка плавно опустилась на копешку и буквально покатила от смеха:

– Глянь! Глянь! Борька! Ой, моченьки нет!.. Ой, живот надорву!..

Ответить я уже не мог. Мои ноги будто растаяли, скулы свело. Я тоже повалился на землю. Верный попытался перехватить утку покрепче. Но едва его зубы разжались, утка вырвалась и, оставив своего мучителя с пучком перьев в зубах, полетела с невероятной быстротой.

– Ты куда?! – Вскинулся я. Подхватил ружье и сбил утку над самой серединой озера. Не успела она шлепнуться на воду, как Верный, впервые подержав в зубах живую дичь, прыжками бросился за ней. Когда он принес и положил утку к моим ногам и, подняв тучу брызг, стряхнул с шерсти воду, мы с бабушкой принялись обнимать, наглаживать и нахваливать Верного. Он громко лаял, прыгал из стороны в сторону, носился вдоль берега и чувствовал себя героем. В нашей семье появился еще один охотник.

А вот рыбалку мы с братом любили летнюю. Хотя... Володя подростком повадился зимой рыбачить на Оби. Осенью накапывал червей, клал их в большую банку с землей – и в погреб. А потом зимой приносил с рыбалки полный рюкзак большущих жирных яззей. Этими язями он и заманил меня на рыбалку. Правда, я сразу оговорил условие: в первый раз буду с ним наблюдателем.

И вот в сорокаградусный мороз на ветру Вовка сидит у лунки. Достает из-за пазухи и голыми руками наживляет червяка. Язь в полтора-два килограмма весом, брошенный Вовкой на снег, успеваеет сделать только три движения хвостом: в одну сторону, потом в другую и обратно. И все – обледенел. Было удивительно и странно, когда потом дома промерзшие язи снова оживали, поднимая шум и плеск в большой посудине с водой.

Так вот. Пока Вовка с рыбацким азартом таскал из воды яззей, я в летней меховой куртке, в унтах, то и дело приплясываю, и ноги мои никак не могут согреться. Руки в меховых рукавицах

²¹ Собанки – рукавицы, сшитые из собачьего меха.

иззябли до того, что «заходятся с пару», и я заталкиваю их отогреваться то к себе за пазуху, то в штаны. Злюсь на себя и на Вовку. На Вовку – за то, что угостил меня такой рыбалкой. А на себя – за то, что попался на его удочку. Могу же я в мороз целыми днями ходить на лыжах, и без лыж километры мерить в унтах по колено в снегу. Но часами сидеть на ветру без движения... Больше уже никто не заманит. Даже осетром.

То ли дело летом! В детстве мы пельтьками дергали из речки остроносых щурят и приносили домой в старом чайнике. Мама жарила их в большой сковороде, и нам эта жареха казалась самой вкусной едой. Когда Вовка подрос, бабушка подарила ему в день рождения великолепную щуку блесну. Эту блесну по ее наказу привез кто-то из отпускников из Томска. Все Вовкины друзья и знакомые обзавидовались. В наших магазинах блесен не продавали. Все сами делали их из жести. А Вовка своей чудесной блесной в речках и на Щучьем озере переловил уйму щук. Одну мы выворотили с ним вдвоем. Она оказалась почти в мой рост и весила семь с половиной килограммов. Брату удалось направить ее на мелководье, и там мы с ней боролись, как гладиаторы. У самой кромки воды мы упали на нее без сил, а когда немного отдышались, выкатили на берег, как бревешко.

Мама большими кусками раздавала рыбину соседям и еще долго кормила нас великолепными котлетами из этой щуки.

Уж чего-чего, а рыбу или дичь наша мама или бабушка не загубят.

Приготовят так, что в любом ресторане у повара слюнки потекут. Одним из «козырных» блюд бабушки считались жареные осетровые потроха. Просто объеденье! В Александровском их за копейки полуфабрикатом продавали в рыбокомбинатовском магазине. Кроме того, осетриной нас порой угощал профессиональный рыбак и сосед наш Сибирцев. Иногда осетра режевой²² сетью добывал отец. Я помню: у нас на подоконнике стоит трехлитровая банка черной икры. Бабушка едва ли не упрашивает:

– Ребятешки! Ешьте икру. Говорят, она дорогая. Говорят, полезная.

Мы отмахиваемся:

²² Режевая сеть, режевка – сеть, сделанная из двух тли трёх полотен, имеющих ячейки разной величины.

– Да ну ее!

И, улупетьеваем на улицу.

...В Александровском на руках у нашей бабушки умер Слинкин. Парень был русоволосый, кудрявый, голубоглазый. Очень везучий картежный игрок. Соседи часто собирались у нас. Посидеть, поговорить, выпить. И обязательно играли в карты. Сначала для разминки «в дурачка». Потом – в более сложные игры на деньги. Ставили, конечно, мелочь. Но иногда банк вырастал до десятков рублей. Вот тут-то его и снимал Слинкин. С шутками-прибаутками и как бы извиняясь, он складывал в карман мятые рубли и трешки, сгребал со стола пригоршни монет. И уходил. Остальные игроки взволнованно курили и с жаром доказывали друг другу, кто из них и когда неправильно сыграл. Так повторялось много раз. Но ведь известно: кто удачлив в картах, у того в любви – тридцать три несчастья.

Жена Слинкина уже давно повилывала хвостом. И когда муж, придя с работы, вскорости отправлялся на поиски картежного счастья, она торила тропинку до соседского крыльца. Бабушка предупредила вертикавостку:

– Надька! Уймись! Доведут тебя до лиха твои перебежки.

Слинкин стал догадываться о связи своей жены и решил застукать изменщицу с хахалем. И застукал. На свою голову.

После рассказывали, как через дверь соседской квартиры Слинкин долго вел переговоры с женой. Звал домой. Обещал простить.

Но она не пошла. Тогда он принес ружье и объявил:

– Если сейчас же не выйдешь – застрелюсь!

– Стреляйся. – Ответила она.

Слинкин немного подождал. Потом снял ботинок, носок. Поставил ружье прикладом на землю, налег грудью на стволы и пальцем ноги нажал на курок. Страшный удар опрокинул его на тротуар...

Бабушка вышла из дома с собачьей миской, полной еды. Стала звать Верного и вздрогнула. Совсем близко со стороны переуллка грохнул ружейный выстрел. Старая сразу почувствовала неладное. Она поставила миску у крыльца, быстро пошла на звук. Обогнула сарай, дровяник и увидела Слинкина. Он лежал на тротуаре в белой рубашке, босой на правую ногу. Рубаха на груди горела, а вслед за огнем по ней все шире

расползлось краснее пятно. Рядом на траве лежала двустволка, из одного ствола которой струился желтоватый дымок. Бабушка кинулась к Слинкину. Приминя огонь пальцами, она горестно запричитала:

– Господи! Че же ты наделал, парень? Сам себя решил... Грех это...

– Сергевна... – Слабеющим голосом с хрипами выговорил стрелок.

Она приподняла ему голову, заплакала. Он все смотрел и смотрел на постылую дверь. Но Надька так и не вышла...

Мы с братом сидели на берегу реки с удочками. Дергали чебаков. Неизвестно откуда вихрем налетел наш друг – приятель Сережка Балышев:

– Вовка! Борька! Бежим скорей! Слинкин застрелился.

Мы побросали удочки и рванули с места вслед за Сережкой.

Солнечным летним днем на деревянном тротуаре у дома распластался молодой широкогрудый мужчина. Жизнь уже покинула его тело. Слинкин лежал вверх лицом в расстегнутой, залитой кровью рубашке. Возле него заканчивал свои хлопоты главный врач нашей больницы Яковлев. Он взял какой-то инструмент, погрузил его в отверстие, пробитое зарядом на груди Слинкина. Что-то нащупал. Потом со вздохом покачал головой и стал собирать инструменты. На пыльном тротуаре и на земле стояли лужицы бесценной человеческой крови. И солнце играло в них своими яркими бликами. С тротуара лужицы стекали в щели, на землю. Из квартиры Слинкиных слышались рыдания и стоны. У Надьки было горе, и бабушка пыталась ее успокоить.

Подавленные увиденным, мы с Вовкой поплелись на берег. За своими удочками, червями и уловом. Когда мы вернулись, бабушка была уже дома. Мама стояла у окна и, всхлиывая, то и дело промокала платком глаза. И с трудом говорила сквозь слезы:

– Какой грех... Надька взяла на душу. Погубила парня... Прости ее, Господи! Он ведь горячий был, азартный. Если бы она его успокоила... Да как?

– Уже успокоила. – Сурово перебила ее бабушка. – Спокойней некуда. А что азартный... Дак азарт, он тоже разный бывает. Конечно, жалко Слинкина. Кто говорит? Только зряшной его смертушка сталась. Ребятенка не оставил. И жисть потому – короткая, и гибель нынче легка. Ты помнишь, как хорони-

ли Ермакова, начальника цеха? На тракторе под лед ушел. Дак вся экспедиция слезьми умывалась. А сколь трактористов да шоферов в рейсах позамерзали? Сломалась железяка в морозяку – и все. Смерть притиснет. В одну сторону верст семьдесят, да в другую чуть мене. Пешком-то до жилого мало кто добирался. Колька рыжий в прошлом годе ночью в деревню приполз. Да чуток до избы не дотянул. У самых ворот наткнулись утром. Помнишь, как жалели? А сколь Сашка твой рысковал? Начальство просит: «Выручай, Саша! Во как надо!» Все боятся, а он в самый ад кромешный лезет на своем тракторе. Тоже азартный. Дак то ж для дела. Не попусту люди рыскуют да гибнут. А Слинкин зря погиб. Надька его с жиру бесится. Взял бы да нашел себе другую.

– Кто его знает, мама... – Говорит мать и судорожно всхлипывает: – Упокой, Господи, его душу...

Наша экспедиция действительно несла людские потери. Люди тонули в болотах, реках и озерах. Тяжело вспоминать – замерзали в рейсах. Бывало, что взрывались при сварке на цистернах из-под горячего. Но ни разу ни до, ни после этого несчастья со Слинкиным случаев самоубийства в экспедиции не было.

...Между тем наша сестра Валюшка как-то незаметно, не вдруг, расцвела и превратилась в красавицу. Сопровождают ее в школу и из школы стали выстраиваться вереницы парней-одноклассников. По вечерам ее выхода из дома дожидались и ребята постарше.

– Ишь, кобели! Все углы пообшоркали. – Притворно-недовольно ворчала бабушка.

Валентина заневестилась, и это было видно во всем. Шушуканье и хихиканье с подружками. Новые наряды, платья, тетрадки со стихами, игривые песенки. Стало ясно, что через год-другой не избежать свадьбы. И что сестра готовится войти во взрослую жизнь.

4. ДЕВИШНИК

В Александровском мы жили долго и счастливо. Мама была довольна тем, что закончились скитания по тайге, и мы живем все вместе, нашим семейством. Отец – своей охотой, рыбалкой и, само собой, работой. Я, Вовка и Валя – играми, развлечениями. Бабушка – что

основала здесь подсобное хозяйство, оно еще больше скрепляло нашу семью. А еще у бабушки появились подружки. Такие же старушечки, как она сама. Были и помоложе ее, и постарше. И молодежь к нам забегала, когда парни прилетали с буровой. К нашей семье всегда тянулись люди. Но больше любили бабушку.

Один из ее почитателей – помбур Игорь Татаров, как-то взял да и принес ей электрическую гитару. Добрый, хороший парень. И он, похоже, определил нас в свою родню, хотя в лице Игоря проглядывало что-то кавказское: чернявость с рыжиной, нос с горбинкой и голубые глаза. Сам неумно веселый, бурливый и быстрый, как горная речка.

– Нежданный гость – хуже Татарова! – Объявил он с порога и ослепил нас безобудной улыбкой.

Потом, как настоящий фокусник, выдернул из-за спины гитару, взял доску, будто это поднос, и двинулся к бабушке.

– Пресвятая Дева Мария! – Вытаращив глаза, попяталась старая.

– Сергевна! – Направил он ее в угол, чтоб отрезать путь к отступлению. – Прими подарок. Гитара! Электрическая!

– Ой, тошно мне! – Застонала бабуля.

Но Игорь, как влюбленный из кинофильма, встал перед ней на колени:

– От чистого сердца!

– Да че же это такое? Я каво с ей делать-то буду? Играть не умею. Да ишшо, говоришь, в иликтричество втыкать надо. Смертушки моей захотел? Ну-ка, подымайся с пола!

– Не подымусь! – Мотнул головой Игорь. – Ты мне вместо матери... и не надо ее куда втыкать. Просто возьми и повесь на стенку. Для красоты.

Гитара и правда привораживала взгляд: эдакая плавно изогнутая, на черной блестящей доске переливался зеленый перламутр.

– Дак она и дорогушая, поди. – Еще не сдается бабушка.

– Сергевна! Миленькая! Я помощник бурильщика. Знаешь, сколько зарабатываю? А на что деньги тратить? На водку? Вот зашел в мангазею и купил тебе самую красивую вещь. Пусть она висит на стенке. Как ружье...

– Так ведь и уболтал, уболтал окаянный! Сам ее на гвоздь повесил. – Рассказывала потом бабушка своим старушкам-подружкам.

– У-го-во-рил! Заикаясь от смеха, чуть не села мимо стула бабка Мусориха. Остальные долго хватили ртом воздух и только махали руками, мол, – подь ты! Но когда смогли говорить, уж они отвели свои душеньки.

Я любил те дни, когда эти гостюшки наведывались к бабушке. На Масленку – с блинами, на Пасху – с куличами, а в бабушкины именины приносили «гребелки», платки, каких мы уже не знали, или вышитые полотенца. И с той поры, как на стене покрасовалась гитара, всякий раз говорили:

– Ну, летрическую гитару мы тебе дарить не будем. Есть уже. А вот гляди сюды...

И доставали свои подарки.

Самые задушевные бабушкины подружки – Кузьминична, Фоминична и бабка Мусориха. Мусориху тоже называли бы уважительно, по отчеству. Но отчество ей досталось такое, что не вдруг и выговоришь: Авксентьевна. Оттого подружки и называли ее Авдотьей. А если без нее говорили про нее, то добавляли – Мусориха, муж-то покойный был Мусорин. Они выпивали по рюмашке-другой, вели беседы. Сами про себя смеялись – девишник. А правильнее – вдовушник. Все они к этому времени уже вдовствовали. Особенно душевно было в бабушкин день рождения. Они его называли родины. Бабушка заранее гостей не звала. Но встретить была готова. А уж подружки-старушки в тот день наш дом не обойдут. И я старался быть в такой день дома. Как-то раз из-за этого не поехал на рыбалку. Так что поссорился с братом.

Отец в тот день был на буровой, мама на работе. А Вовка с утра пораньше поцапался с бабушкой. Она велела ему натаскать воды, а он заявил:

– Была нужда, болело брюхо! Седня Борькина очередь воду таскать.

– Дак Борька в магазин пошел. А вода щас нужна. – Урезонивала его бабушка. Но он уперся, распахивался, и бабушка назвала его «нервнобольным». Вовка обиделся и полез в пузырь. Когда я вернулся с хлебом, а в те времена в Александровском белый хлеб был вкусным, за ним стояли большие очереди и его тут же расхватывали, Вовка встретил меня с прищуренными глазами:

– Из-за какого-то дня рождения бабки ты не поедешь на Щучье? Молодец! Ну, тогда беги, нарви ей цветочков...

Я так и сделал.

Сначала сходил по воду. Потом в лес. Нарвал на поляне васильков. А дома стеснительно протянул их бабушке:

– Вот. Тебе...

Старая охнула, взяла букет, прижала меня к себе, засмеялась. Я выскользнул из объятия, сел с книжкой на диван и стал ждать.

Она напекла блинов, поставила тарелки с закусками, влила в узкогорлый графинчик ярко-красную ягодную наливку. И гости начали помаленьку собираться. Вот раздается первый стук в дверь.

– Кто там? – спрашивает бабушка.

– А там кто?

– Дедушка Пихто и бабушка Нихто. Заходи!

Дверь открылась. Так и есть: на пороге улыбается беззубым ртом наша ближняя соседка – бабка Кузьминична. Она крестится на икону, здоровается и только потом переводит дух:

– Лезла, лезла на крыльцо, устала.

– Язвы тебя-то! – Подбадривает ее бабушка.

Кузьминична встрепенулась:

– А тебя-то?!

– А че меня-то? Там и крыльца-то – то: пять приступок не наберется...

Кузьминична – бабка боевитая, и палец в рот ей не клади, отжует.

– Ладно. Проходи, Ефимьюшка.

– Мне не ндравится, как меня зовут.

– Заявляет Кузьминича.

– Надо сменить себе имя.

Потом зорко оглядывает стол и всплескивает руками:

– Батюшки-Светы! Да ты у нас как взаправдешная именинница – с цветочками.

– А ты думала. Борька вон, в лесу насобирал.

Я покраснел, а бабка Кузьминична окинула меня ласковым взглядом, выдохнула: «Ох, упасть» и плюхнулась на стул.

За ней торкнулась в дверь бабка Фоминична.

– Руки кверху! – Кричит она с порога.

– Ой, напужала! – Смеется бабушка. – Это откель такая сорвалась? Никак с печки падала?

– Нет, седни ишшо не падала. Я нонче с части воинской бегу. – Скороговоркой так выпалила. И, будто придя в себя, огляделась:

– Здорово!

– Здоровше видели. – Отвечает ба-

бушка. – Ты че там, в части-то, на службу нанималась?

– Ага. В командирши записаться хотела. Не берут. Думаю, ладно. Хоть молочка снесу солдатикам. Пуцай они попьют молочка-то.

– А ты нам тут не лжи! Молочка... – Встряла в тары-бары Кузьминична. – Поди, ходила, шпионила. Узнавала поди, с которым солдатом внучка-то гуляет?

– А че мне узнавать? Че узнавать-то? Когда она сама спрашивает: «Баушка! За которого военного мне взамуж выйтить? За Сашку али за Витьку?» Я говорю: «Дура ты, Дашка! Я тебе насоветую: семь верст до небес и все лесом. А жить-то тебе. Это уж ты, милая, сама кумекай. Токо знай: каку редечку выдернешь – таку и есть будешь». А она – хвост в зубы и... то с одним гулеванил, то с другим. Змеешка! Прости меня, Господи! – Перекрестилась на икону Фоминична.

Не успели старушки набулькать вина в расставленные стопки, как на пороге возникла еще одна бабушкина подружка. Певунья и насмешница – бабка Мусориха.

Однажды на гулянке бабка Мусориха вышла плясать, да запела частушки. Самая безобидная из них была такая:

Я в пим посцяла

И в другой посцяла.

И стою, люблюся:

Во что же я обуюся?

Гармонист «рыкнул» гармонью да и говорит:

– Давай, Авдотья, с «цветочками»! Седни праздник!

– Ох, не знаю, Степушка! – Подивилась сама Мусориха. – Не помню никаких, а эти сами летят...

– Без меня не наливать! – Кричит с порога Мусориха.

– Не бойсе! – Смеются наперсницы. – Мы по стопочке налили, а поднять ишшо не успели.

– Ну, все, гостенечки. За стол! За стол!

– Борьк! И ты с нами садись, коль уважил баушку цветочками. – Пригласила меня за стол Кузьминична. – Посиди с нами хоть для блезиру, что мужичок.

– Я здесь, на диване побуду. – Заскромничал я.

– Иди сюды, тебе говорят! – Скомандовала моя бабушка. – Тебя бабки с собой за стол содют.

И я впервые сел с бабками за праздничный стол. Они тут же принялись со всех сторон накладывать в мою тарелку холодец, соленые грибочки, сало, жареную рыбу, отварную картошку. Налили брусничного морсу. Кузьминична еще разок окинула меня приветливым взглядом. Потом по старшинству первая взяла стопку и поднялась:

– Ну вот, деушки-баушки. Миленькие мои. Хорошие мои. Извиняйте меня, може че неправильно скажу. Може, че не так... Сергевна! С роинами тебя! Здоровой будь... Ну, ладно. Давайте выпьем. Господи, благослови, а ты, душа, лови. Так что, девки, давайте!

И бабки врястяжку с удовольствием выпили. Мусориха вместо того, чтобы чем-нибудь закусить, стукнула о стол пустым стопариком и раздольным голосом пропела:

Выпил рюмку, выпил две –
Зашумело в голове.
Выпил рюмочек пяток –
Заходил, как лебедок.

У Фоминичны тут же заходили локотки, и она сама от себя не ожидала, как поймала на лету частушку:

Ох, два, ох, два,
Ох, два – четыре.
Кто-то двери отворил:
Залетина, не ты ли?

После первой же старые разругались. Кузьминична раскинула руки, развесилась на спинке стула и произнесла:

– Мне третьего дни сноха нову кофту сшила. Да скроила-то, вышила поранешному. Я ее на смерть положила. А че? Я же ходила здесь в кофтах. Красивые были вить. Наденешь – как на праздник. Дак... може ишшо там в новой кофте буду ходить.

– А че эт ты, подруга, к смерти готовисся? – Насторожилась моя бабушка.

– Я старшая из нас. Положено уж.

И будто рукой смахнула с лица суровость:

– Да нет, девы, не готовлюсь. У меня кровь-то – живая руда. Играет ишшо. Ну, пока ниче не будет, не умру. Она за три года перестает играть.

– Вот едак-то лучше. – Отозвалась Мусориха. И уже с игривинкой пропела:

Кабы раньше жисть была,
Я бы не хворала...

Подруги стали посмеиваться над своими «хворобами».

– У кого их ворох, а кто сроду не болел. – Продолжила бабка Анна. – Я

вот в прошлом годе в Огневу Заимку приехала. Там старша сестра у меня – проведать. Смотрю: она сидит, надулась. На свою сноху, Катьку-то, позыркиват.

– Ты, – говорю, – чего сердита? Аль давно не бита?

Ну, Катька-то вышла на двор, а она мне жалуется:

– Тамарка, внучка-то моя, седни из школы пришла да на кровать: «Мамка! Голова болит...» Ну, моя кухтерья²³, Катька-то, гляжу – сует че-то ей под мышку. Че – не знаю. Но блестит. Дак разок токо и сунула. А девка-то с им полежала маленько, да встала, глянь! Встала да пошла. Во како средство!.. Я давай себе его у Катьки просить. Она ни в какую. Так и не дала. Сибирка²⁴ бы ее задави-то!

Катька заходит. Я спрашиваю:

– Ты пошто матери-старухе средство како-то не даешь? Тамарку-то им вылечила вроде.

Она говорит:

– Да како там средство? У Тамарки голова болела. Я таблетку-то ей дала, а сама думаю: надо проверить, нету ли температуры? И градусник поставила. А бабка привязалась: «Дай, да дай мене. У меня спина болит». Я говорю: «Зачем градусник, еслив у тебя спина болит?» Она и разобиделась.

– Вот вам и «средствие»! – Поставила «восклицательный» знак бабка Мусориха.

Подружки посмеялись.

– Значить, в добром здравии прожила сестра твоя, раз не знат, зачем нужен градусник.

– Дай Бог ей здоровья!

– А че, девки? – Подает голос моя бабушка. – Бог даст, и мы ишшо поскрыпим. Вон в войну-то, гляньте: и холод, и нужда. А у нас в деревне за всю войну ни одного старика, ни старухи не схоронили. Дак теперь-то каку холеру не жить?

– Мы-то, може, и поскрыпим. – Согласилась Кузиминична. – А вот молодые ноня до того деликатны стали – глядеть тошнехонько. Чаю босиком попьют – и уже зачихали.

– Да вот вам. – Это уже Фоминична закивала. – Помните, в прошлом-то годе Лисицын помер старик? Болел. Царство ему небесное! Ну, народ в избе собрался. Я гляжу, а соседский Сережка-то Балышев стоит и нос себе прикрывает.

²³ Кухтерья – здесь фантазерка, болтуня.

²⁴ Сибирка – сибирская язва.

Я спрашиваю: «Ты почему, Сережка, нос-то себе зажимаешь?» Он отвечает: «А потому, что от деда щас в воздухе палочки летают, микробы всякие». Я говорю: «Удумал – палочки! Тебя дома мать палкой гоняет, да ты не слушаешь. А тут ишь – микробов испужался».

Бабушки всыпали перцу «этим молодым, да шибко грамотным».

– Оне и погулять-то как следует не умеют. – Махнула рукой Мусориха. – А то ведь соберутся хоть за столом – и ни песен, ни басен от их не дождеся.

– Да че там за столом! – Вдруг взъерепенилась Кузьминична. – А уважаемые ты от их видела? Вот то-то! Это в старо время старики учили молодняк уму-разуму. Я вот помню у нас в Спирино. Я ить в старинном селе-то выросла, это щас в Новосибирской области. А там жила Любава Рощепкина. У нее три сына было и три снохи. Дак она каждый день чехвостила снох-то. А сор из избы не выносила. Бабы моют косточки своим снохам, а она все одно твердит:

– Мои снохи от Христа шли, да ко мне зашли.

Ей говорят:

– А вот ты ругала котору-то. Мы слышали.

– А колдысь ето было?

– Вчерась. Под вечер, однако.

– Дак то было токо единожды.

– А вот третьего дни мы слышали: ты честила свою сноху.

– Значит, токо дваножды.

– А вот ишшо в четверток на прошлой неделе, Марья сказывала: ты костерила снох во все корки.

– Да вот ишшо ето, и все...

– Во какой свекрухой была Любава!

– Подытожила Кузьминична.

Старухи одобрили, пошумели и набулькали по второй.

Теперь подняла стопочку Авдотья Мусориха:

– Ну, девки! Будем живы и Богу милы. А людям – сам черт не угодит! С родинами тебя, Сергевна!

– Эдак-то! – Подхватила Фоминична.

Все невраз выпили. Фоминична крякнула, взяла ложечку моченой брусники и вдруг спохватилась:

– Борьк! Давай мы тебе маненько накапаем. А то старухи вино пьют, а ты морс изводишь. Выпей вина за баушкин день рожженья.

– Попробуй. – Лукаво подморгнула

Кузьминична. – А еслив под стол упадешь, мы тебя выташим.

Над нашим столом, прямо возле стопки Фоминичны, завис небольшой паучок. Он осторожно спускался с потолка. Видимо, тоже захотел наливки. Я легонько подул на него. Паучок засуетился, быстро полез вверх, обратно.

– К письму. – Заметила моя бабушка, провожая паучка взглядом.

– Ой, девки! – Вскинулась Фоминична. – Я ж третьего дни письмо получила. У меня товарка в Тобольске. Она этим летом съездила в Крым. Отдохнула, пишет. И вот домой надо ехать. Накупила, значит, подарков: чемодан колбасы, чемодан фрухтов, своему деду шляпу новую. Деньжат осталось токо-токо на обратну дорогу. Чемоданы тяжеленны. Ну, мужики подмогнули, доташили до еропорта. А там, в порту-то, их как взвешали. Да как слупили за вес. И бабка села на мель, как баржа с лесом. Прилетела в Тюмень и – на поезд. Билет купила до ближней станции и гроши у ее все вышли. В поезде уж попросила проводницу:

– Милая! Провези меня без денег. Я тебе фрухтов дам.

Та говорит:

– Не могу. Мене осталось месяц до пенсии доработать. Иди к ревизорам. Оне в седьмом вагоне.

Приходит в седьмой вагон. Так и так. Отдыхала на юге. Денег на обратну дорогу не хватило... Ревизоры хохочут:

– Че, бабка? Прогуляла денежки в ресторанах да на пляжах? Ладно, мол. Ежели сама пришла да покаялась – езжай дальше без билета. Да вдругорядь не проматывай деньги на югах...

Потом бабки убрали со стола. Стали пить чай с вареньем и с бабушкиными блинами. И как-то само собой заговорили о песнях. С грустью вспоминала прежние песни Бабка Мусориха:

– Наша семья-то с Алтайского края сюды приехамши. Дак вот, у нас раньше: едем на телеге – поем. Над обрывом, над оврагом и в поле – все с песнями. А здесь, окромя нас, никого не слышать. Одне пластинки крутят. Почему?

– Видишь, щас люди щипливые стали. – Растолковывает Кузьминична. – Запой – скажут, самашедчая бабка. Али пьяная, скажут, спать не дает. И вот она мешает, шумит около меня там. Выйдет хозяин – ишшо матюга загнет: «Иди-ка ты, бабка, отседа подале!..» А

тада, как за рекой... шибко люблю, када за рекой запоют. Али гармошка – в тем краю, в тем краю...

Разомлели бабушки от своей памяти, от всего. Растаяли. Как на солнышке.

– Жалко, Сергевна, что не позвала седня гармониста нашего – Шишкарь-то деда. – Пожалела бабка Мусориха. – Уж он бы нам щас сыграл.

– А я вас-то звала? Вот сами пришли – и спасибо! Звать-то – не всякий раз дозовешься. Я вон своего Петра Андреича который год зову. Не идет... А Шишкарь-то дед занеможил, видать. Не то пришел бы с гармозой, поддержал бы, поди-ка, девок.

– Ага. Рассмеялась бабка Кузьминична. – Глядишь, вы с им вдвоем-то щас бы и сыграли. Он – на гармошке. Ты – на гитаре. Лектрической....

К нам, и правда, иногда приходил какой-то особенный человек – дед Шишкарь. Гармонист – лучше не надо. Шишкарем бабушка звала его не потому, что он шишковал в тайге, а потому, что вся его голова была утыкана шишками да наростами. Эткими бугорками и кочечками. Волосы на голове деда почти не росли. А те шишки и бугорки торчали в разные стороны. И от этого он был похож на лесовика. Или даже на кактус.

Дед Шишкарь любил пошутить, понасмешничать. И когда находил таких же, как он говоруна или говорунью, то между ними затевалась бойкая перебранка. Представление. Нашу бабушку Шишкарь уважал. Вот она была ему соперница...

Помню – зимний день праздничный. Мы с бабушкой возвращаемся от наших знакомцев Шестеровых. Она ходила к ним «посидеть», а я относил деду Шестерову на подшивку пару валенок. На улице хорошо. С горки на лотках, на скамейках, на санках, на валенках катаются ребяташки. На горку взобрался подвыпивший дед Шишкарь. Он оседлал деревянный, со дна покрытый льдом лоток, и крича на всю улицу: «Солнце клонится к обеду, я с горы на жопе еду!», скатывается с горки прямо к ногам бабушки. Бабушка как будто удивляется:

– Борьк?! Глянь-ка! Кого-то с горочки спустили.

Дед Шишкарь с трудом поднимается, лоток из-под него выскальзывает. Он снимает шапку со своей шишковой головы и раскланивается:

– Ассаламалкоголейкум! Здравствуйте-ка вам!

– Видать, что алкоголейкум. – Посмеивается и оглядывает его бабушка. – Едва из корыта вылез.

– Эх-ма! – Ударил шапкой о снег и, пританцовывая, пропел:

Почему я лысый,
Без волос остался?

Потому что рано

С девками спознался.

Бабушка так и прыскает:

Я нэ могу, я уся дрожу,

Як побачу цюю рожу...

– А скажи-ка, дед, – громко так спрашивает: – Че эт ты наладился с горочки кататься? Тебе, который годок-то?

– Дак я ишшо не старый. Я давношний. – Уклончиво отвечает дед.

– Ну, тада, почитай, что в парни попал.

– Не. В парни не гожусь.

– Чего так?

– Память у меня уже другая. Я теперь, где позавтракаю, туда и ужинать иду...

– Эш-ты, какой ушлай! Грамотнай...

– А вот послушай, Сергевна! – Перебил ее дед и заговорщицки подмигнул. – Вот какая мудрость случилась седня. Утресь.

Сват Егорка на вечерку приходил. Полну пазуху паренок приносил.

Как за эти пареночки

Полюбили девчоночки...

– Ага. – Подхватывает бабушка. – Они любили, любили его. И еще чуть не убили его.... Заливаешь ты, однако.

– Убей меня Бог коромыслом! – Божится дед. – Так все и было.

– Ладно. – Соглашается бабушка. – Ежели это быть, то вот тебе другая. В Раздольном-то, слышал, как теперь в избах жить стали? В одной половине живут, а другую – на дрова пилят.

– Едрена шишка! То-то я гляжу: стоит деревенька небом покрыта, светом огорожена.

– Вот так – это вот! Переобули деревню из сапог в галоши.

– Да уж, баушка! Не жисть, а малина, не плачь, сестра моя Полина, – ты накануне пенсии большой.

– Ладно, дед. – Закругляет беседу бабуля. – Как думаешь – морозец завтра шваркнет?

– Очевидно... хрен его знает. Да и че мне мороз – я в Сибири рос... А то возьму фуфырь да закикерю. А на мороз и не пойду.

– Зарекалась барыня на двор хо-

дить. – Усмехнулась бабушка. – Ты лучше шапку надел бы. А то шишки свои заморозишь – они и поотскакивают. И будешь ты тада у нас не дед Шишкарь.

– Ладно, Сергевна. – Надевает шапку дед. – Бывай здоровой. Не болей, не старей. Скучно будет – приходи сюды. С горки покатаемся.

– Иди уж... Старый пим. – Поглядела весело и ласково бабушка.

– Премного вами благодарны! – Кланяется дед Шишкарь. – Спасибо большо! За привет, за ласку, за такую сказку.

– На здоровье большо! – Отвечает она ему тем же.

И они еще поклонялись, пошутили и разошлись – каждый в свою сторону...

Долгонько молчали бабушкины гостюшки. Потом моя бабушка усмехнулась:

– В такую минуту ангел в небе пролетает. Или дурак рождается.

А потом, я даже не заметил, слышу – поют. Не сговаривались ведь. «У церкви стояла карета...» Песню бережно подхватили Авдотья Авксентьевна, Ефимья Кузьминична. Негромко подтянула моя бабушка, Прасковья Сергеевна. А завела Анна Фоминична. Такой вольной стройности я никогда не слышал. Долго, много пели в тот день. Слова каких-то песен я помню и сейчас: «Ой, летела пава через синие моря, уронила пава с крыла перушко...», «Катя – Катерина, купеческая дочь! С кем ты проводила всю темную ночь?»

На прощанье бабушкины товарочки вдруг встали у порога гуськом и запели солдатскую песню «Вдоль да по речке». Особенно лихо у них выходили слова в припеве: «Наша рота стройно идет, идет, идет!» С военной походной песней, нестройно размахивая руками и маршируя, старая гвардия двинулась было к выходу.

– А посошок?! – Перекричала «роту» моя бабушка. – Чтоб опереться было на что. А то посыпетесь с крылечка, а я не успею соломки подстелить.

Старушки выпили «на посошок». Обнялись, поцеловались. Моя бабушка вышла проводить подруг. С улицы донеслась уже совсем другая, грустная песня: «Там в саду при долине громко пел соловей...» Песня тянула душу, не ладилась с веселой встречей бабушек. И заканчивалась она как-то совсем тоскливо:

«На мою на могилку
Знать, никто не придет.
Только раннею весною
Соловей пропоет».

5. ДЕД

Я полулежу, блаженно прикрыв глаза на воздушно-легком пуховом облачке. В душе долгожданный покой. Куда-то уплываю, куда-то в своих мыслях, и голос матери слышится будто издалека.

...Идем со свадьбы от Свадьбовых. Дед кренделя рисует. Пришли домой, а он с порога:

– Лена! Есть хочу!

Я говорю:

– Вот те раз! Ты же со свадьбы пришел, прямо из-за стола.

– Да я за столом малость сбрыхнул. Ну, и покатило: «Расскажи то, расскажи это. Еще да еще». Поесть некогда было.

Во, как наш Дед погулял! Со свадьбы пришел голодный...

...Так. Свадьбовы – это в Александровском... Мне тоже почему-то вспомнилось Александровское... Причал рыбокомбината. Среди разлитой весенней воды – длинный деревянный настил. Дети, взрослые – все нежатся на солнышке. Длинноногий прыщавый подросток толкнул меня, мальчишку, в воду прямо в одежде. Вода холодная. От неожиданности я малость нахлебался.

– Боря! – Резанул воздух крик мамы.

Откуда-то вихрем налетел отец. Ватага гоготавших подростков гроздьями полетела в воду, а он бросился ко мне...

...Речка Анвар, в которой мы и купались, и рыбачили с детства, тоже блещет на солнце. Где-то там, на дне, в коряге, осталась моя любимая блесна...

...Тихая речка Сайма протекает прямо посреди села... В переулке возле Саймы жила хантыйка Елена Качина. Рыбачила в любую погоду. Вот ловит карасей в речке и за пазуху себе кладет. Мешка нет, так на рубахе затянула бечевку, чтоб караси не выскакивали, и кидает их за пазуху. Вечером дома Дед рассказывает маме:

– Я седня смотрю: Ленка-хантыйка на Сайме карасей добывает. А сама за пазуху кладет и кладет – живых-то! Поди, шшикотно ей было.

– А ты сходи к хантыйке. – Смеется мама. – Спроси – шшикотно ей было или нет?..

На календаре январь тысяча девятьсот восемьдесят шестого года. Я в гостях у своих родных в Новоаганске. Вот уже несколько дней чудит погода. Всегдашний в эту пору ветер с «дедушкиной стороны»²⁵ вдруг сменился. Подул «с полден»²⁶, как говорит наша бабушка. А сегодня ветра и вовсе нет. Небо хмурое, температура до минус пяти и, как выражаются новосибирские синоптики: «У земли тихо».

Середина зимы на Севере – пора сильных морозов. У ханты январь – «топорища ломающий месяц». И часто слышали: «Мороз за день три топорича сломал». Мальчишки черпают сачками у ключей задыхающуюся от замора²⁷ рыбу. Взрослые выходят на охоту шевелить медведя в заприимеченной еще с осени берлоге. И вот – здравствуй, Новый Год! На Севере тепло, как в Ташкенте.

– Неспроста погодка-то выкомаривает. Это наш Дед виноват. – Подшучивает мама.

И я догадываюсь, почему это камушек в его огород.

За неделю до моего приезда здесь произошло неожиданное событие: Деда выпроводили на пенсию! В это никто не может поверить. Даже сам Дед. Свою северную пенсию он давно заслужил. И по годам, и по стажу. Да только с работы его никак не хотели отпускать. Теперь все. Свободен! От такой свободы Дед слоняется по комнатам, как потерялся. Морщит лоб и курит, курит. Я стараюсь его растормошить, шутить, расписываю беззаботную жизнь, которая ждет его в Маркелове. Он ненадолго оживает, но потом опять – будто спичка догорела – темнеет Дед, съезживается... А то сидит, как истукан, глядит в одну точку. И все пытается понять: как же теперь экспедиция будет обходиться без него? Эх!..

А мама еще работает. Сторожит детский сад «Чебурашка». Вечером я решил навестить ее на работе. Оделся, вышел. Едва ступил за порог – и оказался в тридевятом царстве. Здесь время будто замедлилось. Тишь, гладь,

Божья благодать. Только мириады звезд и огромных снежинок блуждают в небесном танце.

У крыльца детского садика хозяйничает мама. Она лопатой очистила от снега крыльцо и принялась расчищать дорожку.

Бесшумно вхожу в калитку, подаю голос:

– Бог в помощь, мама!

– Спасибо, сын! – Поворачивается она, улыбается. – Проходи в сторожку. Щас снег отгребу, и чай пить будем.

– Обопнись²⁸. Давай разберемся. Ты здесь дворником работаешь или сторожем?

– Сторожем, конечно. Да, а делать-то че, Боря? Снег хоть и легкий, как пушок, да если его не убрать – к утру все дорожки завалит. А там деток приведут.

– Ладно. – Взглянул я за черенок маминой лопаты. – С этим пухом сейчас разберусь.

– Я сама, сынок. – Потянула она лопату к себе.

Понимаю, я – гость. Да и натура у нее такая: не принимает помощи, где может справиться сама. И все же я мягко, но решительно забрал у мамы лопату. Повернулся и едва не столкнулся с Дедом.

– Вам не подрасться – мне не посмотреть! – Засмеялся он над нашим перетягиванием лопаты.

– Дед! – Обрадовалась мама. – Вот ты и попался! Бери другую лопату. Будешь ту дорожку чистить. – Махнула она рукой.

– Щщас! Держи карман шире! – Ошарашил ее Дед. – Ты за свою работу деньги получаешь? Вот и работай. А я – на пенсии.

Он заложил руки за спину, задрал широкий приплюснутый нос, с достоинством прошел мимо остолбеневшей матери.

– О, как! – Выдохнула она и, хотя ноги ее еще стояли, тело подвинулось за Дедом. Оба набирали скорость. Он даже не услышал шаги – спиной почувствовал погоню. Трусовато оглядываясь, взбежал на крыльцо, быстро открыл дверь и перед самым маминым носом ловко ее захлопнул.

Я расхохотался. Глубоко вдохнул чистый воздух и подмигнул Чебурашке, намалеванному на стене детсада. В моем распоряжении была широкая лопата и воздушный снег, искрящийся под уличными фонарями. С удоволь-

²⁸ Обопнись – здесь, подожди.

²⁵ Ветер «с дедушкиной стороны» – холодный, северный ветер, сивер.

²⁶ Ветер «с полден» – теплый южный ветер.

²⁷ Замор (местн.) – нехватка кислорода у рыбы под глубоко промерзшим льдом.

ствием разогрелся на одной и на другой дорожке, поставил лопату, вошел в помещение. В зеркале у порога мелькнуло мое лицо с красными яблоками на щеках. Наш, день-деньской страдающий пенсионер, теперь лежит на кровати с сигаретой и заслуженно пускает в потолок струйки дыма. Мама хлопчет у стола, наливает мне в стакан пахучий травяной чай. На Деда – ноль внимания.

– Ладно. – Думаю, раздеваясь. – Посмотрим, что будет дальше.

А дальше случилось то, что и должно было случиться. Не прошло и четверти часа, как пенсионер добровольно расстался со своей льготой.

– Лена! – Приподнялся он на боку. – Ты там это ... налила бы нам с Борей по рюмашке.

Дед прекрасно знает, что я уже рюмашку не буду (хватило вчерашнего) и мной он прикуривается. Однако с мамой не забалуешь.

– Налью, налью рюмашку. – Охотно так отвечает. – И Боре налью, и себе (себе! – она ж не пьет, только пригубляет), а тебе налью, если снежок покидаешь.

– Налъешь – покидаю! – вскакивает с кровати Дед.

– Не верю! – Огорошивает его мама. – Пиши расписку.

И написал ведь: «Я Антошкин А. М. даю расписку Антошкиной Е. П. что лубую работу буду выпалнять без оговорочно в чом и даю. Антошкин».

Мать показала мне эту грамоту, и я подумал: «Как же он заполнял документацию, когда работал на инженерской должности?» И сам сообразил: «Главное на Севере – свое дело знать. А бумажки писать охотники найдутся...»

В лице моей матери соединяются живость, сдержанность и какая-то просветленность. Если в нем господствует живость – сдержанность уходит, а просветленность все равно остается.

У мамы открытый лоб. Нос тонкий разделяет очень добрые голубые глаза. Есть что-то непостижимое: на голове волосы каштановые, а на лице брови почему-то светлые, хотя ни те, ни другие она не красила.

Моя мама до наивности доверчива. В Новооганске только с ней могла случиться такая история...

В дверь постучали.

– Да, да! – Отвечает на стук мама.

Входит знакомый манси Василий.

– Здорово были!

– Здравствуй, Василий!

– Лена! Тебе рыбу надо?

– Надо.

– Однако, давай бутылку.

Мама достает из шкафчика твердую валюту Севера:

– На.

Тот молча сунул бутылку за пазуху и двинулся к выходу.

– А рыба где? – Удивленно спрашивает мама.

– Да я на рыбалку пошел. – Махнул рукой Василий. – Поймаю – принесу.

– Вот леший! – Рассмеялась она, глянув ему вслед в окно. – Ухо-парень!

А еще мама необычайно отзывчива. Выручить готова всех и всегда. Помню из детства. За окном чей-то ребенок закричал:

– Мама!

Вовка бежит из соседней комнаты:

– Мама! Тебя зовут...

Мамин отец, Петр Андреевич, в Болтово был первый на селе гармонист. Его на свадьбы и в другие села увозили. Бывало, привезут через неделю, а у него брюки на коленях худые. Под его двухрядку плясали даже те, кто никогда не плясал. А дедушка, Андрей Ефимович, ее, девочку-подростка, в то время любил больше всех. И называл-то как? – Еля (от слова елочка? Елена?)

Еля любила уходить в поле одна. Рвала цветы, лежала на траве. Смотрела в небо и на горизонт. Мечтала, радовалась жизни. Прилетали яркие птички чечетки, пели ей свои песни... И уж потом, потом Лена вместе с мужем и детьми странничала по тайге в геологоразведочных, геофизических экспедициях, в сейсмопартии. Работала медсестрой, поварихой, таскала взрывникам кабель. Было дело – принимала роды. В экспедиции на брандвахте родилась девочка. Угадала, где появиться.

В ту зиму неподалеку от берега стояла вмерзшая в лед брандвахта. В ней и зимовали люди. А мать с отцом жили на берегу в рубленом из бревен теплом домике на санях. Им брандвахтовцы завидовали, говорили: «Вы живете, как командный состав». И ходили по льду к друг другу в гости.

...С каким-то добрым, блаженным чувством я вспоминаю наши семейные чтения в долгие зимние вечера. Это было в Александровском...

На дворе мороз пробирает до слез. Березовые поленья, что мы с Вовкой таскаем из поленицы, так промерзли,

что аж позванивают. Мама заталкивает их в печь и приговаривает:

– Осты-ыла наша печечка. Дровишек тебе надо? А вот. А вот. Березовенькие...

Печка прожорливая. Минут через десять она уже гудит и начинает озираться по сторонам:

– Где там еще дровишки-то?

Отужинали и собираемся в натопленной комнате. Рассаживаемся за столом или кто где захочет. Посередине стола стоит большая миска кедровых орехов.

– Пощелкайте на верхосытку. – Говорит мама.

Она всегда приносит интересную книгу, открывает и начинает читать вслух. О прынсах, о разведчиках, об индейцах. Мы слушаем внимательно-внимательно, пощелкиваем орехи. Даже Дед, оперев голову на руку, оттягивает свое ухо. Кто-нибудь нет-нет, да выходит в кладовку. Там мешки с орехами, мерзлой клюквой, брусникой, висит мороженая лосятина. На стене – ружья, сети и капканы. Перед нами появляется полная миска крупных, запотевших с морозу орехов, и в комнате возобновляется дружный треск ореховой скорлупы. Мама окидывает нас, детей, ласковым взглядом:

– Роньжеедки мои! Ну, слушайте, слушайте. Набирайтесь ума.

А то потреплет меня или Вовку по голове:

– Жуланчик²⁹ ты мой.

Уже полночь мать закрывает книгу на интересном месте, а мы умоляем почитать еще. Однако уже правда поздно. Сметаем в ведро со стола горы ореховой скорлупы и отправляемся спать. А на следующий день, вечером, снова собираемся за столом. Мать берет книгу и продолжает с того места, где остановилась. И вот что интересно: у нас в семье, кроме бабушки, все умели читать (она когда-то учила: аз, буки, веди, глаголь, добро...) и, казалось, могли сами взять книгу и узнать дальнейшего. Но никто этого не делал.

Мне любопытно было наблюдать, как слушает бабушка. Полное внимание. На лице полуулыбка. А голова чуть покачивается, будто она поддакивает: «Едак, едак...». Потом первая начинает клевать носом. Глаза ее по-куриному закатываются, и она, сидя на стуле, с присвистом засыпает.

И дороги нам были эти вечера еще и потому, что читала мама необыкновенно...

Как-то раз она объявила среди нас детский поэтический конкурс:

– Кто напишет самый лучший стишок – получит пирог с вареньем!

Мы с Вовкой сильно старались, что-то накорябали. Но победил Валин стишок:

Вот однажды мы шли по тропе

И пришли к большой кедре.

На кедре было шишек много –

Присылайте нам подмогу!

Валя получила от мамы пирог. А мы с Вовкой зауважали Валюшку за ее поэтический талант, и в тот день лишний раз сделать ей саечку было как-то неудобно.

Ни Дед, ни мать никогда не возражали против того, чтобы в нашем балке жили разные зверюшки и птицы. Иногда они уживались все вместе. Кроме того, с нами всегда были собаки. Кочевать по тайге без них – просто безрассудно. Потом, уже в Александровском, Дед на охоте подобрал гусыню. У птицы оказалось перебито крыло, и Дед привез ее домой. Крыло быстро зажило, но мать за время лечения так привязалась к птице, что о супе из нее не могло быть и речи. Нам тоже хотелось ухаживать за ней, смотреть, как она прихорашивается. И гусыня осталась у нас жить. Дед смастерил ей большую клетку, и за любопытство, с которым оттуда выглядывала она или расхаживала по комнате, мы назвали ее Варварой. Летом я брал Варьку под мышку, приносил к озеру и, привязав длинным шнуром за ногу, выпускал. Уж как она резвилась на воде. И заныривала, изгибала шею, и выплескивала на себя воду, и усердно чистила свои перья, и приподнималась на воде, сильно махала крыльями, мол, могу и улететь. Потом я подтягивал ее за шнур к берегу и тащил домой. Мы были бы рады отпустить Варьку на волю, но с подбитым крылом это означало бы – на верную гибель. Поэтому мы пасли, кормили ее с большой охотой.

Так она прожила у нас три года. А потом к нам в гости пришли кумовья – Вараксины и стали упрашивать отдать им Варьку. Мать долго не соглашалась, но они так расписывали, как хорошо будет у них гусыне, что мы сами стали ее уговаривать. И потом очень пожалели. Потому что уже через месяц с нашей Варварой сварили суп. Варакси-

²⁹ Жуланчик – здесь снегирик.

ных заклеили позором, а Варьку было жалко до слез.

В разное время у нас еще в балке жили синицы, снегири, куропатки. Куропаток мы вообще курами звали. А в деревне Лукашкин Яр, где сами жили на квартире, один мамин подарок убежал из дома. Обычно Дед привозил из рейсов что-нибудь: шишку, печенье, конфеты – мол, зайчик прислал. И вот как-то раз мы окружаем Деда после поездки. Он хитро так посмотрел, развязывает мешок и за уши достает живого зайчика. Мы, ребетня, завизжали от радости, а Дед пустил зайца на пол и говорит:

– Смотри, мать, – подарок тебе новогодний.

Через три секунды новогодний подарок с разбегу сиганул в окно, высадил стекло и удрал в лес.

Особая статья – собаки. Нам всегда везло на собак. Те считались полноправными членами семьи. Но у каждой из них ведь свои собачьи слабости. Варнак, например, в Александровском стяжал себе лавры великолепного утятника. Но в пустое, без охоты время, прославил себя специалистом и по домашней птице. Если мы случайно узнавали, что мать хочет куриного супа, кто-нибудь незаметно выпускал Варнака, а через десять минут он приносил в зубах полузадушенную курицу. Охая и ахая, мать доставала пятерку, а еще через несколько минут по следам налетчика (дорожка из перьев) прибежала хозяйка курицы и мать, ругая собаку, подавала ей денежку. Виновник переполоха из-под крыльца с интересом наблюдал за объяснениями матери, и хотя морда у него в пуху, на ней было написано: «Я здесь ни при чем...».

В Александровском у нас долгое время жил бурундук. Мы с братом поймали его в лесу и принесли домой. А поскольку мать любила бурундуков, то разрешила оставить его дома. Бурундук облюбовал себе диван, забрался внутрь и свил там гнездо. С той поры диван перестал быть общим местом отдыха. Он стал бурундучьим! На диване уже никто не мог поспать – бурундук не позволял. Если все же кто-то ложился, полосатая бестия тут же принималась выживать оккупанта со своей территории. Он щекотал ноги, носился туда – сюда по всему телу, выдерживал волосинки на голове, пока неприятель не ушел на кровать или в другую комнату.

На стене висел коврик, а на коврике крупным планом нарисовано дерево. Так вот, бурундук любил забираться по этому «дереву» и, распластавшись, лежать на «ветке», греться в солнечных лучах. Однажды к матери по какой-то надобности зашла соседка. Увидела на «ветке дерева» плоскую шкурку бурундука, подумала, что чучелко, и стала его оттягивать от коврика. Бурундук сердито свистнул, стрельнул по кровати, а соседка так заверещала с испугу, что у меня заложило уши.

А как наш бурундучок дрался с мышами! Особенно, когда они пытались пробраться к его запасам. Он даже не давил этих воришек, а выгрызал у них на носу крохотный пяточок и – мышь готова! Нечего совать свой нос куда не следует...

Долго мать не могла понять, где он берет орешки – все время грызет, оставляет скорлупу. А потом как-то она вытирала пыль с подоконника, повернула сувенирную шишку в деревянной дощечке и увидела: вся тыльная сторона шишки аккуратно выедена – ни одного орешка!

Ко всем своим грешкам этот хитрюга был еще и сладкоежкой. Ел и хлеб, и муку, но очень любил сахар или варенье. Если попадался в муке, мать не трогала, а тихонько подойдя, с укором на него смотрела. Чувствовал взгляд, стервец! Поднимал припорошенную мукой мордочку, замирал на секунду, а потом, свистнув, удирал и до вечера уже на глаза не показывался.

Тоже готовился к зиме: рвал газету на ровные полоски – сантиметров по пять длиной. Нарвет сколько надо и набирает по несколько полосок в рот, чтобы отнести к своему гнезду. Выглядит смешно, потому что бумажные полоски лихо торчали по обе стороны его мордочки, будто усы. К бурундуку подошел котенок, ударил лапкой по этим «усам» и бумажки рассыпались. Бурундук снова набрал в рот несколько полосок. Котенок – бац ему лапкой по мордочке! А когда в третий раз у бурундука появились бумажные усы и котенок по ним ударил, бурундук подпрыгнул и то ли укусил, то ли царапнул котенка сверху – непонятно – тот мякнул жалобно и убежал. И больше к зверьку не приставал...

А в один прекрасный день в тайге нас обчистили.... Дело было так. Поехали мы вчетвером шишковать: Дед, мама и мы с братом. Били по стволам

кедрача большой деревянной колотушкой, и каждый набрал свои два мешка шишек. Место богатое. Решили еще наколотить. А мешков больше нет. Тогда мы высыпали все восемь мешков у огромного кедра и пошли снова их наполнять. Вернулись – ахнули: от тех шишек, что мы здесь высыпали, осталось меньше половины! Рядом высятся почти такие же горки шелухи. Догадаться не трудно, что орехи отправились прямехонько на склады готовой продукции, то есть, в кладовые к белкам и бурундукам. Мы с братом, конечно, огорчились, но тут же удивились сноровке лесных зверюшек. Даже Дед сначала расстроился: вот, мол, дожили. В тайге, считай, что дома – обобрали! И только мать рассмеялась:

– А может, просто поделились? Половину-то оставили. Так что, не переживай, Дед, – все по-честному!

...Новенький ДТ-54 дрогнул и, плавно покачиваясь, остановился над стремниной. Внизу под ним – холодная весенняя вода. Она круговоротит и беснуется от того, что прижата большой тяжелой баржей к почти отвесному берегу Оби. Крутой-то и невысоок, чуть не вровень с баржей. Но глянь с него вниз – и потянет, пахнет – оттуда, снизу-то – глубиной колодезной. Вот над той глубиной и замер железный коняшка, колыхаясь на двух параллельно уложенных трубах.

Хорошо паровозу: бегай сколько хочешь! Вот тебе колея. Рельсы ровненько лежат на земле. Да еще и к шпалам пришпандорены. А тут необкатанный трактор пытается перебраться с борта плавучего судна на береговую твердь. И трубы, по которым он ползет, отражаются в его перепуганных фарах тонкими кривыми полосками. Удержи его, Господи! Не дай соскользнуть с этих наспех сделанных рельсов.

Трактор постоял над пропастью, пофырчал на малых оборотах. словно отдышавшись, салютовал в небо очередью колец густого дыма. И по-черепашьи, тихонько двинулся вперед, нацупывая путь блестящими пластинами гусениц.

На берегу, затаив дыхание, примолкли люди – трактористы, механизаторы, работяги, команда катера, который притащил груженую техникой баржу. Они впились глазами в этот плывущий будто по воздуху трактор, в сосредоточенное, перемазанное лицо тракториста. Среди тех людей на берегу стояли и мы

с Вовкой. И может быть, больше, чем у других, у нас замирали сердечки и сосало под ложечками. Потому что за рычагами трактора, сдвинув на затылок фуражку, весь подался вперед, сидит наш отец...

Низкий поклон Антошкину Александру Максимовичу. За то, что взял в жены мою мать с тремя малолетками. За то, что любил нас, как родных детей, а мы в ответ любили его и называли отцом. И он был для нас отцом. И еще за то, что не из корысти рванул в тайгу со своим голопузым семейством.

Ведь что такое – горстка людей в сибирской экспедиции? Малые песчинки в океане тайги. У них не было вездеходов, не было тягачей, какой там! – вертолетов. А было несколько допотопных тракторов да бурильные установки на колесах. Вот и пройди непроходимую тайгу, снега, болота. Но и с такой техникой они прошли, пролезли, прорвались. И отыскивали нефть.

Выдергивали тросами застрявшие в трясине машины. Оставляли ушедшие глубоко под лед трактора. Теряли товарищей. И шли дальше. Вперед, вперед! И обязательно находил свой Василий Теркин. Веселым нравом, смекалкой, отчаянной храбростью вселял в людей уверенность, снимал с души тревоги и сомнения. Таким был Сашка Антошкин.

Сашка Антошкин – это мой отчим. А Дед – это его прозвище. Дед – именно так звал его и весь Тюменский Север, вслед за Томским. Почему такое прозвище? А Бог его знает. Может, потому что вынес он на своих плечах тот груз, который выпал первопроходцам. Не все сдюжили. Кто заболел в пути, кто ослаб духом. Кто, хлебнув радостей бродячей жизни, отправился на поиски иного счастья. А кто-то сложил свои кости, остался там в тайге навечно. На их место приходили другие. И только Сашка Антошкин всегда оставался незаменимым, непотопляемым. Больше двадцати лет бороздил тракторами Томскую и Тюменскую тайгу. Вот так со временем он стал самым опытным человеком в экспедиции и, конечно, самым старшим, не считая, конечно, нашей бабушки. Так стал он Дедом.

Из Томской же области в Тюменскую (точнее, тогда – в Ханты-Мансийский национальный округ³⁰) все наше семейство, кроме меня, переселилось в начале семидесятых годов. Именно там,

³⁰ Теперь – Ханты-Мансийский автономный округ.

в Тюменщине, были открыты самые крупные в Сибири месторождения нефти. Там забурилась, заколотала новая жизнь. И само собой, понадобились опытные механизаторы. Переехавшие туда работать друзья манили Деда калачами. Обещали сразу и квартиру, и новый трактор, и жизнь нескучную, даже веселую. Подумал, подумал Дед, да и перебрался со своей легкой на подъем семьей из Александровского в Новооганск. Там и проработал в нефтеразведочной экспедиции до самой пенсии, которая вывалилась в 1986 году, к его большому огорчению.

К тому времени мои родные рассыпались по Северу, как бусы у хантыйки. Бабушка уехала жить в Новый Уренгой к сыну, к моему дяде. Брат – в Мегион. Сестра со своим выводком – в Ноябрьск. И только меня странная неведомая сила потянула на юг. Я уехал в Новосибирск, за книгами, наверное, что запоем читал. Город принял меня в свои объятия и больше из них уже не выпускал. Мы обрели друг друга. Но об этом знаем только город и я.

Что насчет Деда, то для него дорогим и любимым стал поселок нефтяников Новооганск. Сам же Дед чувствовал себя вольным казаком и к новому месту житья не был пришит накрепко. Он уходил в рейсы на своем тракторе то в Покачи, то на далекую Подбазу, то по новым маршрутам, за сотни и сотни километров. И везде, где его узнавали, он всегда становился своим. Трактористы, водители вездеходов готовы были пойти с ним и в рейс, и в болото, и еще Бог знает куда. Потому что с таким напарником, как Дед, даже самая опасная дорога оказывалась интересным путешествием.

На перекрестке двух дорог, вдали от буровых вышек и поселков, стоит вместительный деревянный балок. Такой, значит, таежный мотель для отдыха водителей, нефтеразведчиков.

Вот уже третьи сутки Дед трясется на своем тракторе, спит урывками. И вдруг видит из-за пригорка знакомый балок. Обрадовался, не высказать как. Подъехал, приткнул своего трудягу к фырчащему скопищу машин, тракторов, вездеходов и с рюкзаком, со спальником направился в «мотель».

Вдоль стен стоят двухэтажные деревянные нары. На них отдыхают водители техники, что вокруг балка, их пассажиры. За окном сорокаградусный мороз, а здесь в углу у выхода пышет

жаром раскаленная докрасна железная печка.

Дед отыскал внизу свободные нары, раскинул спальный мешок. Разделся, залез в спальник и, едва согрелся, провалился в сон. Проснулся от шума голосов и еще от того, что хотелось пить. В балке стояла жара. Дед хлебнул из термоса чая, огляделся. Намотавшиеся в рейсах люди разомлели от тепла и теперь как личинки из куколок повылезали из своих спальных мешков.

– Вот представляете! – Почти криком вошел в разговор сосед справа. – На прошлой неделе мороз за сорок, на дороге стоит Т-180. Тракторист в моторе копошится. Молодой придурок на вездеходе его объезжает и уходит. Не остановился: «Че случилось? Надо помочь, кого-то вызвать?» А через два дня того тракториста нашли в тракторе. Все! Мотор заклинило.

– Вот сука!

– Сволота!

– Змей!

– Козел! – Растревоженным ульем загудел весь балок.

– Таких надо выметать!

– Поганой метлой!

– Да его шуганули уже.

Шум затих. Почти все, кроме Деда, высказались.

И вдруг с верхнего этажа раздается новый голос:

– Ребята! Дверь откройте. Че-то жарко стало. Я уже спотел.

– Это кому там жарко стало? – Глянул снизу Дед.

– Мне! – С гонором приподнялся молодой водитель.

Дед молча встал, подошел. Взял его в охапку, поприжал, чтоб не брыкался. Поднес к двери и выбросил за порог в носках, трусах и в майке. После этого закрыл дверь на засов и улегся на свои нары.

– Это же Дед! Дед! – С разных сторон перешептывание.

Через минуту – стук, грохот, канонада! Дед не спеша поднялся со своих нар, подошел, снял засов, открыл дверь. На пороге скрюченная фигура выбивает дрожь.

– Тебе чего? – Как ни в чем ни бывало спрашивает Дед.

– Пусти... Замерз... Колотун... Ну его на хрен...

– Заходи.

Изрядно охолонувший водитель прошмыгнул мимо Деда, забрался на свои

нары и блаженно закрыл глаза. А Дед сказал:

– Я на Севере давно. Тех, что замерзли, – много повидал: трактористов, водителей, геологов. Но мертвых вспотевших – ни одного не видел. Так что – пойте, ребята...

Куда бы Деда ни занесло, среди каких людей бы он ни оказался, там же всегда оказывалась и свободная минутка. словно подобные минуты Дед подбирает, где мог и отдавал, когда хотел.

Мне не раз случалось хохотать над его выдумками.

...В тесном вагончике, набитом до отказа буровиками, Дед сидит на чурке, чистит шомполом ружье. Вдоль стен стоят двухъярусные нары. Я устроил себе гнездышко наверху и наблюдаю за всеми. Дед направляет стволы переломленного ружья на лампочку, прищуривает глаз и внимательно смотрит, хорошо ли вычищены.

– Де-ед! Ты же не в ту дырочку смотришь. – Начинает его подначивать Мурзин, известный выпивоха. Сам подмигивает публике красным, как у карася, глазом. Николай Мурзин прилетел на буровую с глубокого похмелья, и глаз ему, по всей видимости, где-то подбили. Дед повернул свою «клюку» и посмотрел на Мурзина сквозь вычищенный ствол.

– Э, нет, Коля! Если бы я смотрел не в ту дырочку, то глаз у меня был бы такой, как у тебя. А вот ты, сдается мне, по чужим дуплам охотился. Да не в те дырочки заглядывал.

Мурзина подняли на смех, и теперь самому же Деду пришлось его выручать. Он звучно защелкнул собранное ружье, поставил между колен и громко объявил:

– Ну, вот, теперь готова в дело моя палочка-выручалочка.

Опять веселились, а Дед продолжил:

– А то... пошли мы как-то на охоту зимой. Куропаток стрелять. А в лесу туман стоит стеной. Руку на три метра вытянешь – пальцев не видно...

Молчание, а затем хохот.

– Руку на три метра! – Твою-то мать!.. – Закатываются одни.

– Зимой – туман. Ну, ты даешь!

И лишь когда все утомонились, повытерали слезы, Дед продолжает свои рассказы. Иногда парни, нахотавшись под завязку, говорили:

– Погоди маленько... Скулы свело...

Барон ты наш, как его... Мюнхаузен, ли че ли...

– Дед! Ты расскажи новеньким, как медведь учил тебя по-пластунски ползать.

Дед отнекивался для порядку, вроде, – может, спать пора. А потом рассказывал...

Буровики отрубили свою вахту. Прилетел вертолет и забрал всех домой. А Дед остался ремонтировать трактор. Дело было срочное.

Копается он в моторе. Слышит: ветки хрустят. Оборачивается – медведь! Дед – нырь под трактор и сидит там, хвост прижал. Матюгается потихоньку: принесла, мол, тебя нелегкая! Медведь посопел шумно. Расчухал, что под трактор ему не залезть. Подошел к радиатору и попытался достать Деда лапой. Дед отполз назад, к фаркопу. Медведь зашел с другой стороны и стал доставать его оттуда. Дед снова отполз вперед.

Погонял его так Миша и вроде стал удаляться. Дед вздохнул с облегчением. Только собрался вылезать, глядь: Топтыгин возвращается с большущей дубиной. Как Илья Муромец с палицей. Подошел и давай этой дубиной под трактор ширять – выгонять Деда.

– В кривину твою мать! – Ругается Дед.

Пришлось ему опять грязь месить, уползть по-пластунски.

Медведь обошел трактор и взялся с другой стороны шуровать дубиной. Упорный зверюга попался. Гонял Деда, пока не прилетел вертолет с новой вахтой. И целый вечер свежая бригада покатывалась со смеху, слушая Деда...

На лицо Дед как будто азиат – скуластый, смуглый. На подбородке ямка. Черные волосы пятерней кладет набок.

– Лицо, как лицо. – Говорила бабушка. – Красивше обезьяны – и ладно!

Однако есть у этого лица секрет. Стоит Деду заговорить – и лицо его делается совсем другим. Коварство, хитрость, жестокость – все изобразит. Но всего-всего интереснее – глаза. Кто сказал, что самые выразительные – большие глаза? Не верьте. Самые выразительные – это маленькие, черные, хитрющие глазки Деда. Когда он улыбается, их почти не видно. Из щелочек поблескивают лишь огоньки-искорки. Но именно эти глазки-бестии оживляют все, что ни возьмется описывать Дед. Иногда он еще и всем телом разыгрывает

комедию. Например, как медведь гонялся в кустах за обожравшимся рябчиком и наскочил на Деда. Дед вскинул ружье – медведь вскинул вверх лапы...

За левым ухом у Деда шрам. В молодые годы он успел поработать в шахте. Коногоном. Там угодил в какую-то аварию (говорил, вагонеткой притерло), и ухо было у него почти оторвано. Ухо пришили, но слуховое отверстие подзаросло. Поэтому левым Дед слышит плохо. Так ведь он, шельмец, даже из своего недостатка извлекает пользу. Когда услышать нужно – он услышит (есть и второе ухо). Но если попадет впросак или когда уличен во вранье, то как-то боком, очень внимательно переспрашивает. Все это – несколько секунд, но чтобы выскользнуть из положения, Деду этих секунд всегда хватало.

Как говорила моя бабушка, Дед – утопанный. То бишь, крепыш, но роста невысокого. Однако, метр шестьдесят пять с половиной. Приблизительно. Но плечищи! Шея крепкая подстать. И руки – дай Бог каждому. Даже в зрелых годах Дед любил бороться и был очень ловким.

В Александровском чаще всех соседей приходил дядя Толя Большаков. Дизелист электростанции. Огромный дядька. Даже голос у него был могучим. Когда мужики выпивали и доходили до кондиции, дядя Толя окидывал Деда сторогим взглядом и басил:

– Пойдем. Выйдем.

Сашка молча вставал, и они выходили во двор. Мы всей гурьбой – за ними. После дедовой победы бабушка пыталась блеснуть ученостью:

– Вовка! Борька! Видали? Отец куртырял Большака через девятое колено!

И заливалась смехом.

Но никто не мог его одолеть в состязании, что сейчас называют армреслинг. Там главная задача – придавить к столу чужую руку и самому не поддаться. Дядя Толя багровый от натуги, бывало, изумлялся:

– Ну, это ж надо! Сам – коротышка, лясопляс, а руки – как шатуны у дизеля...

Очень уязвимое место Деда – образование. Как он относился к образованию – неизвестно. Само же образование Деда недолюбливало. А потому начальная школа подержала его три года в неволе, да и отпустила с Богом на все четыре стороны. Однако такое от-

ношение образования к Деду не помешало ему стать первейшим трактористом. В считанные минуты он может разобрататься «чем дышит» трактор, где барахлит. А потом надежно отремонтировать. Трактористы говорили новичкам:

– У нас в экспедиции Дед работает. В одну ночь раскидает и заново соберет любой трактор.

Мы с Вовкой, слыша такие речи, гордились отцом и не раз бывали свидетелями: если вечером Дед начинал разбирать свою или чужую развалину, то наутро эта организованная груда железа уже тарыхтит, постреливает дымом из трубы и таскает то, что положено, и туда, куда следует.

Перевезти груз по ломкому весеннему или зыбкому осеннему льду или через гибкое болото – просили Антошкина. И он никогда не отказывался. Только всех прогонял и ехал с открытой дверцей кабины.

Много раз его трактора тонули в трясине, уходили под лед. Но он всегда успевал выпрыгнуть из кабины или вынырнуть из воды. А после этого нырял к своему «утопленнику», цеплял к фаркопу трос, а друзья-трактористы вызвали его трактор.

Если не хватало вертолетов для переброски техники с одной буровой на другую, а между ними непроходимые болота – туда забрасывали одного Антошкина. И техника вовремя оказывалась на месте. Как? Известно только Богу да самому Деду. Вот почему его, полуграмотного, назначили старшим инженером по транспорту в огромной нефтеразведочной экспедиции. И назначением своим Дед необычайно гордился.

Однажды с «номера»³¹ по радиации запросили инженера по транспорту. Нужно было выяснить, почему занемог трактор. Улетел инженер. Оттуда кричат:

– Вы кого прислали? Мы же у вас Деда просили!

На следующий день прилетает Дед. Со всеми поздоровался, покурил – и к трактору. Влез на гусеницу, открыл капот. Осмотрел все снаружи.

– Заведите-ка.

Завели. Он послушал двигатель, пощупал, поковырялся и объявил:

– Лопнул коленчатый вал.

Еще подумал и прибавил:

– Против шестого цилиндра.

³¹ Номер (разг.) – номер пробуренной скважины. Например, Р-16.

Трактористы сняли картер, стали разбирать. Откуда ни возьмись, к Деду подскочил тракторист Бабаназаров. Он не мог забыть того, как в прошлом году Дед поздравил его:

– Назоров! Поздравляю тебя и твою бабу с днем рождения!

Бабаназаров обиделся. И обратился во вражка исподтишка. Но в этот день его прорвало:

– Куда калинвал? Откуда щистой цилиндр? – Загорлопанил он. – Сам не видел, сам болтаешь... Инженер хренов!

– Кыш! – Прикрикнул на него Дед. – Покрякал – и в тину.

Вокруг собралась вся бригада. Заспорили: верно Дед определил или ошибся? Разобрали – точно.

– Да ты че, мать твою! – Радостно изумился бригадир. – Сквозь железо видишь, что ли?

Ладно. Переночевал Дед на буровой. Утром смотрит: трактористы, как в воду опущенные. Виду не подал. спрашивает:

– Ну, че? Как дела, ребята?

– Хреново, Максимыч. Технику на новом номере ждут. А как проедешь? Болото за Кривой Гривой – че, не знаешь... Ненадежное. Поутопим трактора и будем пузыри пускать.

– Не, ребята! Я знаю это болото. Но если боитесь, давайте сделаем так: я раздеваюсь, бегу босиком через болото. А вы со всей техникой за мной. Если я не утону, то и вы пройдете...

Трактористы поохотали. Потом говорят:

– Не до смеха вообще-то. Нет, Максимыч. Лучше возьми-ка ты трактор. Поезжай впереди, а мы уж за тобой. Авось да небось, как бывало...

На другой день начальник экспедиции спрашивает по радию:

– Ну, что, бригадир? Технику не перегнали?³²

Смеется бригадир:

– Перегнали! Дед в трусах впереди бежал и всех провел через болото...

И все-таки не на одном, так на другом участке трактора и машины теряли.

Зимой поджидали пополнение. В один из дней Дед не успел собрать свой рюкзак, как его вызвали в контору. Там сказали:

– Дед! На буровую ты на вертолете не полетишь. Поедешь на тракторе. Вы-

ручай, брат! Хотя ты инженер, но... трактор ждут.

И Дед с напарником отправились в рейс. Его приятель вел автокран, а Дед – новый трактор-погремушку, который тащил за собой цистерну с горючим.

Здесь я еще раз напомню о том, что на Севере охота – это отдушина, поток воздуха. Если кто пускается в дальний путь через леса и болота, он обязательно возьмет с собой ружье. И этот человек уже охотник. Подножный, так сказать, корм лишним не бывает.

Так вот. По дороге друзьям подфартило и они добыли трех глухарей. Полюбовались на красавцев, кинули добычу в сани и – вперед! А когда остановились поразмяться, заметили, что цистерна подтекает и глухарей солярко-то подмочило. Все – на еду не годятся. Напарник раздосадовался, но Дед его утешил... Покалякали, сговорились, авансом наохотались и принялись за дело.

С глухарем в руках Дед уселся на стрелу подъемного крана, а водитель-крановщик поднял его и осторожно поднес к сосне у дороги. Дед привязал птицу к веткам за ноги и за шею и так же верхом на стреле вернулся к своему трактору. Спрыгнули на землю покурить и засмотрелись: сидит глухарь на дереве, как живой! Потом дважды повторили такую операцию и укатили своей дорогой.

Едут за ними на вездеходе два молодых парня. Смотрят: глухарь на дереве. Один с ружьем выскакивает: бабах дуплетом! Сидит. Второй из кабины дуло высунул:

– Учись, пока я жив!

Хлесть, хлесть! Сидит. Подъехали ближе. Саданули еще по два раза. Только шишки да ветки летят. Подивились парни. Один говорит:

– Слушай! А что если он там привязанный? Может, пошутил кто-нибудь.

Второй на дыбы:

– Да ты глаза разуй: на снегу следов-то нету. Его что, с вертолета привязали?

И полез на дерево. Смотрит – точно! Глухарь приторочен к веткам. Отвязал пернатого. Хотел с собой забрать, а от него соляром несет. Поняли ребята, в чем дело. Дальше двинули. Глядь: второй глухарь на дереве! По разочку в него долбанули. Сидит. Ну, пусть сидит на привязи. Еще немного проехали – опять глухарь! Даже останавливаться

³² Перегнать – здесь переправить.

не стали. А он поднялся и полетел. Еще чуток проехали – глухарь! Думали, тот живой перелетел. А он – привязанный. Зря патроны сожгли.

Приехали на буровую³³, рассказывают. Так, мол, и так. Глухарей в лесу хоть отбавляй. Мы все патроны спалили – ни одного не добыли. Буровики уже знали – хохочут. А Дед, как всегда герой. Подходит к ним:

– Ладно, парни. Дам я вам по два патрона. Но чтоб по два глухаря добыли...

Дед наш, конечно, выдумщик известный и первостатейный. Что говорить: без развлечения в экспедиции можно скиснуть. Поэтому то здесь, то там появлялись и другие шутники. Были они и среди водителей тракторов, машин, вездеходов. Истории эти, как и истории с Дедом, узнавала вся экспедиция.

...На Тюменском Севере из одного озера, отравленного нефтью, ушла рыба. Там была система озер, и по весне, когда вода разливалась, рыба могла уходить из одного озера в другое. Вот наловили шоферы зимой окуней где-то далеко на живом озере и везут их в ведре с водой мимо того, отравленного. Остановили машину. Один берет лом, не поленился, пошел, выдолбил две лунки. Сели, поехали дальше. Навстречу другая машина, знакомые шофера.

– Откуда вы?

– С рыбалки.

– Да ну?

– Хрен гну! В озеро на старой буровой окуни вернулись.

– Врете! Там три года никто не рыбачит.

– А мы рыбачили. Вон – ведро окуней наловили.

Встречные посмотрели – правда. Окуни в ведре булькают.

– Дайте нам одного на приманку.

– Берите. Мы тоже на кусочки рыбы ловили.

Взяли парни окуня (леска-то с крючками всегда с собой), на машину и – туда. Целый день рыбачили. И в тех лунках, что шутники им наделали. И сами долбили. Весь лед на озере продырявили. Потом поняли, что разыграли их...

Еще пуще удумали два водителя вездеходов. Муж моей сестры Вали, хохол Витя Грицан, и его приятель.

Вечером, уже потемну, подъезжают они к своему балку на буровой. Надо выспаться, сутки работали, не спали. Напарник вошел в балок и тут же обратно:

– Витя! Облом! Наши места какие-то приезжие заняли. Нам-то где привалиться?

А у балка стоит, тарыхтит бульдозер. Витя сел на бульдозер, подъехал, подцепил балок ножом и давай вверх-вниз раскачивать. Приезжие спросонья похватили спальные, и кто в чем был, повыскакивали на мороз. Подумали – земля трясется. Витя с другом зашли в опустевший балок и спокойно заняли свои места...

Ну, а дедовым проделкам я сам бывал свидетелем. Как сейчас вижу первую поездку с отцом на буровую. Это еще в Александровском.

Тот день нам с Вовкой показался очень длинным. Мы поджидали отца с работы и то и дело поглядывали на часы. Отец был на базе. Вовка несколько раз поднимал к уху невытый кулачишко (воображаемую телефонную трубку) и говорил:

– Але! Это папина работа? Дайте ему выходной.

Завтра на вахтовке отец должен ехать на буровую и обещал взять нас с собой. А там, на буровой есть расчуденное озеро. В том озере водятся здоровенные карасищи. Отец один раз привозил. Вот где порыбачить!

Утром мать с отцом отправились на работу. И только они за порог, к нам явился бригадир вахтовиков Николай Мазанов. Чем-то озабоченный.

– Доброго здоровья, Сергевна! – Кивнул он у порога. – Давненько я к вам не захаживал.

– Здравствуешь, Коля! – Заулыбалась бабушка. – Проходи. Чаем напою. А то и щец похлебаешь.

– Спасибо, мать! – Все так же озабоченно улыбнулся. – Ты щас не угощай. А вот с завтрашнего дня на буровой... меня и всю мою бригаду.

– Батюшки – светлы! – Всплеснула руками бабушка.

– Тут дело такое. – Заторопился Мазанов, не давая бабушке опомниться. – Вахтовка завтра утром. А у поварихи сменщица заболела. Так что, Сергевна, золотой мой человек, на тебя рассчитываю.

– А варначат своих куды я дену? Мать с отцом-то работают.

³³ Буровая – буровая вышка, бурильная установка и обслуживающее их работу хозяйство, включая подвижную технику.

– Это не вопрос! – Обрадовался дядя Коля. – Максимыч той же вахтовкой едет. Значит, Вовку, Борьку – с собой. Ну, что, гвардейцы, согласны?

– Согласны! – Чуть не подпрыгнули мы, готовые дать согласие и за себя, и за бабушку, и за всех мальчишек, которые хотели бы поехать на буровую.

Но бабушка вдруг опечалилась:

– Нет, Коля. Их навряд ли отец возьмет на буровую.

– Что так? – Поднял брови Мазанов.

– А ты погляди на их: нехороши ребяташки. Маленько они уже ремня выпросили. – Тонким бабьим голосом (а еще у нее был средний и толстый голос) стала жаловаться наша бабушка. – Борька вчера до самой ночи по улице взлягивал. Ноги себе посшибал. Додумались: впотьмах по срубам бегать! В догоняшки играть. Домой приходит, хвалится:

– Смотри, Вовка, какие у меня на коленках красные синяки!

Я говорю:

– Едак-то будешь носиться – ишшо на голове и на заднице синяки будут! А Вовка у нас нервренный становится. Давеча опять меня корягой обозвал. От, дожила баушка! Тут и не примешься, че сказать.

– Ну, раз они такие – тогда в школу-интернат их надо отдать. На исправление. – Проговорил голосом сказочника из радиоприемника дядя Коля. – А вы с отцом поедете на буровую без них.

Мы углядели, как Мазанов с бабушкой перемигнулись, и прекрасно поняли, что дурят нашего брата. Не такие уж тяжкие наши провинности, чтобы из-за них не брать на буровую. Но тревога оставалась. И рассеять сомнения мог только отец.

Не успел отец переступить порог, как мы с Вовкой наперебой выпалили ему, что приходил дядя Коля Мазанов, что сменщица поварихи заболела, и что наша бабушка вместо нее поедет на буровую.

– И мы хотим... с тобой... ты обещал... – закончил я, едва не задохнувшись.

– А кто-то обещал хорошо себя вести. – Съехидничала бабушка.

– Не беспокойтесь! – Твердо сказал Вовка. – На буровой мы с Борькой никак не будем себя вести.

– Никак?! – Засмеялся отец. – Ладно, поглядим. Поверю в долг. Только чур, в лес одним не ходить!

– Да в лес-то нам-то и не надо! – Заподпрыгивал я.

– Мы карасей больших наловим. – Присоединился к моей песне Вовка.

– Тогда отставить пляски! – Скомандовал отец. – Лопаты в руки – и бегом червей копать!

И мы бросились готовиться к поездке...

В просторной палатке горят лампочки, стоит большая железная печка. С одной стороны печки – столы, с другой, ближе к краю палатки – ведра, кастрюли, мешки и коробки. В этой палатке кухня – столовая. Темноволосая повариха передает бабушке запасы провизии. Она берет счеты, шевелит пухлыми губами и начинает быстро перебрасывать косточки. В откидном матерчатом окошке появилась плутоватая физиономия Деда:

– Пять порося по рупь пятьдесят – семь пятьдесят, три пятнадцать сдачи...

– Брысь! – Махнула на него полотенцем бабушка.

Отец сделал страшную рожу и свирепо шевеля бровями медленно опустился вниз. Будто его черти утащили. Потом он незаметно проскользнул в палатку и посадил в кастрюлю живую утку. Та вначале сидела тихо. Потом стала трепыхаться и, грохоча крышкой и громко крикая, дала деру.

– Вот и дол!

– Прохиндей!

– Напужал до смерти.

– Спасибо, свинью не подложил.

Утку-подранка, что прижилась на буровой, мы с Вовкой шумно ловили, а поймав, отпустили на волю и вернулись в палатку. Женщины вели разговор.

– Полина! Ты мне вот че скажи. – Обратилась бабушка к поварихе. – Сколько всего народу-то у нас на буровой?

– Точно не скажу, Сергевна. – Пожевала губами Полина. – Как за столы садятся – до двадцати человек собирается. А так погляжу, когда спят – вроде меньше...

– На-т-те, холера! – Подивилась бабушка. – Ладно. Я их всех пересчитаю. У меня не расплодятся.

Мы с Вовкой пьем чай с пряниками. Неподалеку от палатки слышим: шум голосов, смех. Выходим – знакомая картинка. Вокруг Деда на трубах, на траве сидят кто как – вахтовики. Уши развесили, слушают. А он на чурочке сигаретой затянулся, душу им томит.

– В прошлом годе у меня тоже случай был. – Не сразу этак начинается, будто на минутку отвлекся и теперь продолжает свою речь.

Я замечаю, как в глазах людей вспыхивают огоньки, по лицам побежали улыбки.

– Переваливали мы через реку. В лодке четверо, да я пятый. Ну, плывем помаленьку, шлепаем веслами. Один парень поднялся гребца подменить, поскользнулся и – бултых за борт! Только его и видели. Все к борту – доставать – да лодку и опрокинули.

Из воды выныриваю: твою-то мать! Тонут все, как щенята. Никто плавать не умеет. Подплываю к одному спасать, а он сгреб меня за шею мертвой хваткой. Чуть не утопил на хрен. Я едва вырвался. Зло меня взяло. Изловчился – терц ему в лоб! Он, будто окунь, кверху брюхом перевернулся и лежит на воде, не тонет. К другому подплываю – терц промеж глаз! И этот – кверху брюхом. Вот таким манером всех перевернул, чтоб не нахлебались, сплавил к берегу, как бревешки, да и вытащил из воды.

Когда все отохотались, Дедов кум – Сашка Вараксин – начинает выводить его на чистую воду:

– Дед! Едрена медь! Это видал, чтобы человек на воде от удара кверху брюхом переворачивался?

– А вот давай я тебя торцану по кумполу. – Предлагает Дед. – И посмотрим, перевернешься ты кверху брюхом или нет?

Хохот стоит оглушительный. Мишенью для насмешек и подковырок становится сам Вараксин. А Дед выходит сухим из воды.

– Ну и хитрюга! – Кивает на него бригадир.

– Ну и гусь! – Будто поддакнула подошедшая бабушка и громко призвала его к ответу: – На кой ты живую утку в кастрюлю посадил?

– А это подсадная утка...

Мы с Вовкой вспомнили о рыбалке и побежали за удочками.

Озеро было необычным. Похоже оно было на брюки: как широкий верх и две штанины.

– Смотри, Вовка! Озеро-штаны! – Закричал я, не подозревая о том, что озеро и мое сравнение его со штанами окажется особого рода знаком нашего здесь пребывания, будет тянуться за нами, то исчезать, то возникать.

– Ну и ладно! – Засмеялся Вовка,

разматывая удочки. – Значит, в штанах карасей ловить будем.

И мы стали рыбачить как раз там, где должна была начинаться ширинка.

Озеро было, и правда, чудесное, карасевое. Потому что никакая другая рыба здесь не клевала. А караси... они, кажется, только нас и поджидали: сплылись со всего озера и все до одного мечтали попасть к нам на крючок. Или наши червяки оказались такими вкусными. Или почти никто их здесь не ловил, и теперь они так расплодились, что в озере этой рыбы – кишмя кишит. Да и думать об этом нам с Вовкой было некогда. То по очереди, то разом вытаскивали мы и вытаскивали из воды жирных золотистых карасей. Наши ведра через малое время наполнились рыбой. Правда, больше десятка карасей в ведро и не входило. Последний уже размахивал в воздухе хвостом и норвил вывалиться из посуды. Потом мы кидали рыбу на траву. А когда поняли, что больше, чем наловили, не унесем, покончили с рыбалкой. Вот тут-то и подоспела задачка: как унести добытую рыбу?

– Давай по одному ведру унесем. – Предложил я. – А за остальной рыбой еще раз сходим.

– Еще чего? – Не согласился Вовка. – Унесем всю сразу.

– Ну, а в чем ты этих понесешь? – Показал я на карасей, шевелящихся в высокой траве.

– Не боись. Я уже придумал. – Вовка похлопал меня по плечу. – Снимай штаны. Мы в них карасей положим. И нести будем, как в мешке.

Штаны... Мне послышался какой-то звоночек.

– Нет уж! – Возразил я. – Ты придумал, ты свои штаны и снимай. Они потом рыбой воняют будут.

– Они и сейчас воняют рыбой. – Резонно заметил Вовка, стаскивая с себя штаны. – Только мои седня бабушка постирает, а ты еще неделю в таких бегать будешь.

Пока я прятал в траве удочки, Вовка застегнул пуговицы на своих портках, сложил в них карасей. Потом завернул штанины, ухватил их за концы вместе с поясом и с трудом взвалил поклажу себе на спину. Я подхватил ведро, и мы двинулись в обратный путь.

Вечером Вовкины штаны сушились в палатке на веревке. Вовка в задумчивости сидел у печки в просторных отцовских брюках, смотрел на огонь че-

рез приоткрытую дверцу, и в глазах его все еще поблескивал рыбацкий азарт. Мы оба-двое млели у теплой печки в столовой, в то время как бабушка кормила бригаду ухой из карасей. Вахтовики с удовольствием ели, нахваливали вкусную уху. Поевши, благодарили бабушку и обязательно говорили «спасибо» нам с Вовкой. Смущенные, под общим вниманием, мы были счастливы от того, что накормили рыбой всю бригаду.

Отец съел полную миску ухи, кусок рыбы. Икнул. Закурил. Повернулся и похлопал рукой по толстому животу хохла Яковенко:

– Мы, сибиряки, на живот пузатые!

Все повернулись к ним. И Дед спокойно, даже нехотя вроде взобрался на своего конька.

– Хохлы в Сибири живут, хлеб жуют, водичкой запивают. Я одного хохла помню. Из Винницы приехал к нам на Север. Уху, видать, сроду не варил. А возле буровой так же, как у нас, озерушко было. Только круглое. И вот мы с парнями наловили рыбы. Сами собрались на ГТТ³⁴ в деревню за водкой. Я хохла оставил уху варить. Показал:

«Вот рыба, вот картошка сушеная, вот приправы». И прибавил:

«Только запомни – уха должна быть двойная. Тогда она будет жирной и наваристой. Понял?» – «Понял».

Ладно. Уехали. Воротились. Спрашиваю:

– Ну, че, сварил уху?

– Сварил.

– Двойную?

– Двойную. Я два раза на сковороде сало жарил – уху заправлял...

Опять все потонуло в хохоте. Дед переждал и закончил:

– В общем, закусывали консервами. А хохлу эту двойную уху пришлось самому расхлебывать.

Отец сделал неожиданный финт и вдруг переключился на Вовку:

– А ты, Вовка, че сидишь-то, помалкиваешь? – Будто стал его вытягивать на люди отец. – Давай, рассказывай.

– Чего рассказывать? – Покраснел Вовка.

– Расскажи нам. Как ты своими штанами столько карасей наловил.

Тут я услышал второй звонок. – Опять штаны! Что же это такое?

– Я на удочку карасей ловил. – Стал

оправдываться Вовка и не заметил, как сам попался на удочку.

– Так мы тебе и поверили! – Вяжались рыжий насмешник, помбур Игорь Татаров. – Я твои штаны, Вовка, как на веревке увидел – сразу понял, что они какие-то специальные. Клевые у тебя штаны, вот че! В них караси-то, наверно, сами заплывают.

– Ага, щас!.. – Начинает заводиться Вовка.

– В общем, так, Вовка. – Перебивает его Дед. – Мы тут с бригадиром посоветовались и решили: домой ты поедешь в его штанах. А твои, как только высохнут, дядя Коля забирает себе в бригаду.

– Ага, щас! – Взъерошился Вовка. – Наговорили тут... елки зеленые.

– Да ты пойми, Вовк! – Стала увещевать Вовку бабушка. – Ты домой уедешь, а мужики тут останутся. Им ведь тоже рыбу ловить надо.

– Пускай ловят удочками. – Бурчит Вовка.

– Удочками – это еще как повезет. – Зарассуждал Мазанов. – Опять же, и червяков здесь нету. А твои штаны – дело надежное. Мы-то видели, сколько карасей ты тащил. Все ясно.

– Да че говорить, мужики! Вскочил с лавки круглолицый верховой³⁵ Миша-Солнышко. – Вот не завезут нам продукты на буровую. Так? И мы тут пропадем без Вовкиных штанов. Верно я говорю?

– Как пить дать, пропадем! – Целиком согласны мужики.

– С голоду вымрем!

– Пошли отсюда. – Ткнул меня под бок Вовка, и мы с ним вышмыгнули из палатки. Оттуда все еще доносились реплики, смех, голоса:

– Теперь Вовка всю ночь не уснет.

– Ага! Штаны стеречь будет.

– Да он их мокрыми на себя натянет...

– Ага, щас! – вздохнул Вовка и расправив плечи засмеялся:

– Нашли дурачка.

Наступали сумерки. Справа от нас, шагах в тридцати, поблескивала штанина полюбившегося нам с Вовкой озера. Слева стояли два жилых балка и десятиместная палатка. Мы полюбовались звездами, яркими огнями буровой вышки и вернулись в палатку. Там, как всегда, в центре внимания Дед. Теперь он уже с кем-то спорит:

³⁴ ГТТ – гусеничный тяжелый тягач.

³⁵ Верховой – буровик, работающий наверху буровой вышки.

– Чище нашей анварской рыбы нигде нет! В обской рыбе и селитер, и глисты, и пестрохвость бывает. А в анварской – ни хрена нету!

– Зато у нас, в Нарыме, комары злее. – Нахваливает свое болото другой кулик – буровой рабочий Шура-Балаган.

– Да у вас в Нарыме чахоточные комары! – кипятится Дед. – Нашего Александровского комара схватишь в кулак: с одной стороны голова торчит, с другой – ноги. Бацнешь его об сосну – и бежать, пока не очухался...

Спорить с нашим отцом бесполезно. Это все равно, что плыть против течения: так и так «кверху брюхом» окажешься.

Когда все уже утомились смеяться, Мазанов предложил:

– Дед! Давай мы тебя возьмем в нашу бригаду артистом. Зарплату положим. Ты на тракторе работать – ни ни. Днем будешь отдыхать, Вовкиными штанами карасей на озере ловить. А по вечерам – сказки нам рассказывать...

Но, как я уже говорил, Дед в своей работе был не меньшим артистом, чем в истории.

... Не знаю, как теперь, но в прежние времена на Севере много пили. Наверное, без этого геологоразведчикам временами было не обойтись: выпить в лютые холода, растереть застывшие ноги и, как говорят, снять напряжение после прошедшей опасности. Развлечений-то не густо в тайге.

В 50-е годы прошлого века в глухих районах Тюменской и Томской области не было телевизоров. И радио в экспедиции не слышали. Транзисторные приемники в тех краях стали появляться только под конец шестидесятых годов, когда нефтеразведчики вели уже оседлый образ жизни, а работали вахтовым методом. До этого – годы скитаний по тайге, далеко от людского мира. Не считая старых газет, которые попадали геологам не часто. Где-нибудь на реке встретится «Красный Чум» – хантыйский плавучий клуб. Там наберут газет и узнают новости. Если повезет – посмотрят концерт агитбригады. И все. И опять никого, и опять те же лица, и опять – «одна тайга, и мы посередине». Если бы не Дед с его компанейскими талантами – можно было бы свихнуться. Вот почему на Антошкина чуть не молились.

Но пьянство у нефтяников процветало. И чем дальше, тем больше.

В семидесятых годах я приезжал к своим родным с женой и дочкой в Новоанганск. Жил там по целому лету, работал. Строил дом, поднимал буровую вышку. Уже в ту пору нефтеразведчикам платили хорошие деньги. А тратить негде и не на что. Открыли единственное в поселке кафе, назвали «Аганочка». Но кормили в нем так, что люди быстро его переименовали: «Поганочка». Вот и пили они. Пропивали свои большие деньги. Чем больше денег – тем больше пьянка. Ведь тот же бугор вышкомонтажников Володя Рыбалов (мой бывший бригадир) – пьяница был беспробудный. Прежде чем он приступил к работе, его, примерно за неделю до того, вытащили из грязи пьяного в драбадан. Купили ящик водки. Закинули все это в машину-вахтовку и привезли в тайгу, где должна была монтироваться буровая вышка. Неделю его в палатке отпаивали водкой, постепенно сокращая дозы. А когда он вышел из запоя, приехала бригада вышкомонтажников. Работали мы под его руководством так, как он сразу пообещал:

«... Пена пойдет со всех щелей... В мыле у меня будете!»

И наша вышка выростала не по дням, а по часам.

Так вот. Когда работа была уже закончена, я приехал из Варьегана в Новоанганск. Получил в конторе свои деньги. И собрался уезжать в Новосибирск. Перед отъездом зашел в общежитие попрощаться с приятелем Валерой Заречневым. А у него – Рыбалов. На удивление трезвый. Посидели мы, поговорили. Валера предложил выпить. Но Рыбалов кивнул на дверь и сказал:

– Боря! Дело есть. На сорок тысяч.

Это у него такая приговорка была. Перед серьезным разговором. Мы вышли в коридор, стали у окна. Рыбалов закурил. Потом достал из кармана пачку денег и сказал:

– Здесь триста рублей (по тем временам деньги большие). Возьми их, пожалуйста.

Вначале я оторопел, потом возмутился, и только потом обиделся:

– Ни себе хрена! Володя! Почему я должен брать твои деньги?

Рыбалов положил мне руку на плечо:

– Послушай, парень. Во-первых, Дед, то бишь, отец твой – мой друг.

Понял? Ты едешь учиться. У тебя жена, ребенок. В городе квартиру снимаешь.

– И что? Мне мать с отцом помогают. Да я и сам зарабатываю. И стипендия у меня в театральном...

– Во-вторых! – Перебил Рыбалов. – Денег у меня еще куча. А я один. Живу в дурдоме³⁶. Я ж до того допиваюсь, что начинаю гусей гонять³⁷. Иной раз посмотрю на свой дурдом: он – то раздувается, как резиновый, то опять сжимается. Будто там чертей полно напихано. Так вот. Я эти деньги все равно пропью. Или потеряю по пьянке. А тебе они для дела согдятся. Считай, что это премия за хорошую работу.

– Нет! – Помотал головой я.

Но Рыбалов больно сдавил мне плечо:

– Хочешь, на колени встану? Ну, возьми ты их, Бога ради!

Я отбивался, как мог. Но когда понял, что не отступит, сдался и в полном смятении положил деньги в карман...

Многим из тех, прежних нефтеразведчиков, и в голову не приходило, что заработанные тяжким трудом деньги можно положить на книжку в сберкассе. Только пропивать! Другого выхода не было.

Железный человек, кузнец Витя Со рокин, в Александровском умер от водки в тридцать пять. Сотни молодых парней спились в Новоаганске. Пьянство было бичом Севера. Бичами называли, а сейчас мы все уже знаем кого – кто спилился и опустился.

Постепенно люди семейные стали привыкать ездить в отпуск на юг – отдыхать у Черного моря, с пользой тратить денежки там. Одинокие на югах проматывали уйму денег и часто просили родственников или друзей выслать им денег на обратную дорогу. Еще позднее деньги (кроме того, что это средство к существованию и пьянству) заимели иную ценность. И только потом, потом многие нефтеразведчики научились ими пользоваться более-менее правильно.

Наш драгоценный и уважаемый Дед был тоже не дурак выпить. То есть, выпить любил. Но никаких запоев не знал.

Мама рассказывала мне в Новоаганске, как он на новом тракторе отправился в первый рейс.

Двинулись они с напарником на двух «лаптежниках»³⁸. Только отъехали от поселка. Вдруг Дед останавливает своего красавца. Выходит из кабины, показывает бутылку водки. Затем распечатывает ее и выливает в радиатор трактора. Напарник подбегает:

– Ты че делаешь?

– Трактор обмываю.

– Твою железу мать! Обмывает он...

Дед засмеялся, разбил на счастье пустую бутылку о гусеницу и поехал дальше. Оглядывается: друг на дороге стоит, с места двинуться не может. В поселке как раз были перебои со спиртным. Дед достал последнюю бутылку из прежних запасов, взял ее двумя пальцами за пробочку, высунул из кабины и покачал в воздухе. Напарник – прыг в кабину и за ним! Догнал и знаками умоляет, мол, не урони... Дед на ходу распечатал бутылку, на ходу (гусеница в гусеницу рядом шли) налил другу в протянутую кружку и на ходу оба выпили – второй раз обмыв новый трактор.

Но не всегда на Севере выпадало так. Со спиртным бывали перебои. С поставками. Особенно в таких труднодоступных нефтяных поселках, как Новоаганск. И тогда наступает великая засуха.

По весне зимники³⁹ и переправы разбиты. Единственная связь с Большой Землей – довольно быстрая таежная речка Аган, приток матушки Оби. Вертолеты и крошечные «АН-2», аэропланы – то, не в счет. Много на них увезешь? И, значит, пока не освободит ото льда свои темные воды Аган, пока в Сургуте или Нижневартовске не снарядят первую баржу навигации и пока ее не встретят в Новоаганске – не будет покоя и счастья местным выпивохам и пьяницам. Ибо сорокаградусная давно уже кончилась, а долго ожидаемую «пьяную баржу» все никак не могут дожидаться. И не важно, что там оборудование, продукты, техника. Главное для них сейчас, что она везет водку!

Витя Грицан рассказывал, как однажды весной такую баржу пришлось вырывать.

Ее движение отслеживали по карте. В поселке знали с точностью до кило-

³⁶ Дурдом (мест.) – общежитие в нефтяном поселке.

³⁷ Гонять гусей (мест., разг.) – галлюцинировать.

³⁸ Лаптежники (разг. местн.) – трактора с широкими гусеницами для езды по болоту, снегу.

³⁹ Зимник – зимняя дорога с уложенными поперек полотна бревнами.

метра, где она идет в настоящее время. И вдруг – гром среди ясного неба. Вертолетчики донесли, что на Агане затор! На повороте нагромождение льдов, и стало быть, баржа надолго задержится. Вначале нефтяники пытались их взорвать, сбрасывали взрывчатку с вертолета. Акция результатов не дала. Тогда Новоаганцы снарядили отряд добровольцев – подрывников. И затор разнесли вдребезги! Операция по спасению нетрезвой баржи закончилась блестяще. Место подвигу найдется всегда.

А потом в Новоаганске случилась беда. Уже перед самой своей пенсией, поутру, Дед с рюкзаком припожаловал на вертолетную площадку – лететь на буровую. И ноги Деда после вчерашнего слегка заплетались. Словом, в таком виде его не пустили в эту громадину – «МИ-6». Вертолет был уже перегружен. Ожидая взлета, в нем томилось около семидесяти вахтовиков, а на полу навалом лежала арматура, трубы, уголок, баллоны с газом и еще всякая всячина. Дед не стал дожидаться взлета винтокрылой машины. Помахал ей шапкой и потащился домой. Отдыхать от предыдущего «отдыха».

Тяжело, тяжело поднимался перегруженный вертолет, приподнял хвост, понемногу пошел вперед и колесом зацепил вмерзший в землю кусок трубы. Он клюнул носом, потерял равновесие. А потом завалился на бок, взрывая снег ломящимися лопастями винтов. Внутри огромной содрогавшейся машины на людей посыпалось железо. Оно завалило дверь, перебило шланг, из которого ударила струя керосина. Керосин вспыхнул. Начался пожар, кошмар, паника. Это была адская западня. И не в воздухе, на земле, на глазах у людей.

Снаружи парни бросились топорами вырубать люк. Не тут-то было! Вязкий, прочный сплав. Внутри самые отчаянные стали прорываться через охваченную огнем кабину пилотов. Именно они, как потом выяснилось, большей частью и спаслись. И тут из вертолета послышались взрывы. Рвались баллоны с газом. Дикие крики, вопли, вой.

Погибли тридцать восемь человек. Не от взрывов, не от огня, а в основном от удушья...

Нашего Деда судьба уберегла.

– Бог меня спас! – говорил он друзьям. И рассказывал, как диспетчеры не пустили его в вертолет.

– Черт тебя спас! – уточняла мама.

– Зеленый змий – это по его части...

А потом отец как-то очень уж быстро сдал. Можно сказать, состарился. Примерно за год до его пенсии я прилетел к ним в Новоаганск погостить. По случаю моего прилета выпили. Пьяненький Дед в расчете на мою реакцию прищурился, привязался к матери:

– Кто ты такая? Ну кто ты есть? А я – старший инь-жи-ньер! – Втолковывает он ей, подняв указательный палец.

– Страшный ты инженер! У тебя всего три класса. – Смеется мать.

Но «инь-жи-ньер» не обращает внимания на высказывание.

– Ты думаешь, меня поставили инженером за красивые глазки?

(Красивые глазки Деда! – Я едва удерживаюсь от смеха.)

– Меня це-енют! – Растягивая слово «ценют», Дед косится в мою сторону, поскольку поддержку все-таки чувствует.

Я улыбаюсь, слушаю и думаю:

«Милые мои старики! Отдали вы Северу свои силы. И вряд ли когда об этом жалели. Потому что присохли к холодному краю из-за этой благословенной, треклятой нефти».

6. ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ

Прошло много лет. Отец и моя мама со своей пенсией уехали в Шегарский район, недалеко от Томска, коротать век в Маркелове. Без работы на Севере что за жизнь? Уезжали со слезами. Правда, я их слез не видел, рассказывали. Я по-прежнему жил в Новосибирске. И только бабушка со своим сыном Алексеем (маминым братом) остались в Новом Уренгое, потом забрались в Тарко-Сале. Мой дядя еще работал начальником механизированной колонны. А Север держит крепко. Потому-то мать с отцом рвали по живому. И ведь надо же – наш корень остался. Видно, пристыл к этой вечной мерзлоте. Несколько раз я прилетал в Тарко-Сале повидаться с родными. Первым делом с бабушкой. Эти долгие перелеты будили память.

Улетал я обычно вечером. Вскоре после взлета плечистый «АН-12» устремлялся в погоню за солнцем, которое прямо по курсу золотило землю лучами. Будто самолет набирал высоту и своим носом отодвигал светило от горизонта. Не знаю, как там штурману,

но мне непонятно: казалось бы, курс – на север, а закат – на западе. Но мы летим на закат, прямо на солнце. Островки облаков уплывают назад, и тогда внизу, как на карте, появляются леса, песа с прямыми и ломаными линиями просек. Иногда на Земле видна тень самолета. Она скользит по озерам, извилистым речушкам, буроватым болотам. Мало-помалу зажигаются звездные огоньки, а внизу сквозь облака начинают мелькать огни редких селений и буровых вышек. На облаках кое-где возникают большие пятна. Одно, другое, третье. И видно, как они светятся за десятки километров. А ближе можно заметить, что они красновато-розового света, шевелятся и «дышат», как живые, то увеличиваются, то уменьшаются. Кажется, что на земле кто-то затеял гигантскую дискотеку, а на облаках играет светомузыка. На самом деле облака подсвечивают живые пламена огромных факелов горящего газа. Того самого попутного (с нефтью) газа, который у нас не научились или не захотели пускать в дело. То есть перерабатывать. Его десятки лет тупо сжигают.

Самолет садится в Нижневартовске или в Сургуте. Я ночью у друзей по детству, и на следующий день меня снова ждет невзрачное воздушное суденышко. И чем дальше я лечу на Север, тем чаще вижу горящие факела. Особенно много их над Самотлором. Это озеро, в переводе «мертвое», взъерошилось буровыми вышками. А прямо по озеру – сетка дорог. Они связывают между собой эти вышки. Селения все реже. Но длинные просеки в хвойном лесу и вышки по-прежнему притягивают взгляд.

Кое-где буровые скважины стоят пустыми, заброшенными. Когда-то здесь кипела жизнь, была красавица-вышка, бил фонтан нефти. Нефть выкачали. Теперь там и сям лежат ржавые трубы, стоят обшарпанные вагончики, разбитая техника. Мертвыми зеркалами блестят отравленные нефтью мертвые озера – большие и маленькие самотлоры. Печальная картина. Упаси Бог – прообраз будущего для нефтяного Севера! Ведь скважины (а их за многие годы понатыканы тысячи) бурили поблизости от воды, чтобы потом закачивать ее в нефтяные пласты. Обычно такие озера погибали. Их берега будто покрыты белым саваном – скелетами больших карасей, окуней, щук и мелкой рыбешки.

А каждый факел попутного газа – Змей Горыныч, дышащий в небо ревушим, гудящим пламенем высотой до тридцати метров. А сколько таких Горынычей полонили сибирскую землю и много лет отравляют небо? Несть числа. Нефтяники рассказывали, что советское большое начальство решило не создавать установки для переработки попутного газа. Лучше качать нефть.

Приехали японцы и увидели: атмосферу подогревают ценнейшим сырьем. Предложили поставить в Сибирь такие малогабаритные установки с условием, что мы потом рассчитаемся за них продуктами переработки этого же газа. Наши умники отказались. Гори оно синим пламенем! У нас же нефти – девать некуда! И стали долго и нудно строить гигантские нефтехимические комбинаты и довольно быстро – гигантские нефтепроводы. Потом газопроводы природного газа. А колоссальные деньги, которые могла получить страна от газа нефтяного, попутного, – улетали и улетали на ветер.

Однажды на Севере, возвращаясь с охоты, я увидел две вечерние зари одновременно. Одну из них, как полагается, зажигало солнце. Другую засветили те самые факела. Насчитал их одиннадцать. Это было зрелище! Две зари соперничали, полыхали друг против друга, и каждая из них освещала полнеба. Какая восхитительней – не скажешь.

... Чем дальше я летел на Север, тем меньше растительности. И все больше внизу поваленных деревьев. С высоты беспорядочно лежащие на земле сосны похожи на рассыпанные спички. Здесь когда-то и пролегало морское дно. А причина повала деревьев – песок. Корни не могут держаться за него и уходят не вглубь, а вширь. Плодородного слоя над песком мало, и ветер легко укладывает дерево, открывая широкое плоское корневище.

Я размышляю о том, что всю эту огромную территорию, что проплывает под самолетом за несколько часов, мы исколесили за долгие годы. Хорошие были годы. Счастливые. Может быть, мы с бабушкой проходили вон по той просеке. Может, я охотился вон на том озере. И кто знает, не на той ли лесной дороге я мальчишкой лежал без сознания? Я вышел тогда на дорогу с тракторной колеей и упал от истощения. До этого три дня блуждал по тайге. На четвертый – меня доискала бабушка. И

вряд ли уже нашел бы кто-то другой. По этой дороге только один раз в месяц трактор возил на буровую горючее.

Чистокровная украинка, наша бабушка давно «обрусела» в Сибири. Отдала Северу добрую половину своей жизни и приняла эту землю навечно. Однажды я поразился мысли: сколь многим я обязан своей бабушке. К горлу подкатил ком, и я подумал: «Милая ты наша бабуля! Живи еще! Сколько в тебе силы. Сколько знаешь всего. Никакие напасти тебя не сломили. Потому что крепко ты выросла в эту жизнь...» Но вечной жизни не бывает. Сколько не жалей, не желай – все не исполнится. Наша теплолюбивая бабушка свои последние дни (как и предпоследние) прожила на Тюменском Севере, где веч-

ная мерзлота. Умерла на девяностом году. От любви. Дело в том, что ее все любили и заботились о ней. В том числе, врачи и медсестры. Особых хлопот со здоровьем у бабушки не было, но давление иногда поднималось. Пришел в гости врач. Померил давление – высокое. Поставил укол, понизил. Через полчаса пришла в гости медсестра. Померила – низковатое. Укол поставила – повысила...

Все, что мы смогли для нее сделать – самолетом перевезли ее тело в Тюмень, по-христиански отпели в соборе и похоронили среди сосен на кладбище Верхний Бор. Все-таки там теплее. Да и тайгу напоминает. А бабушка ее любила. Ну, что тут скажешь? Вот и так ладно.

(1989 – 2011 г.г.)
